

Обреченные стать пеплом

Автор:

[Anne Dar](#)

Обреченные стать пеплом

Anne Dar

Обреченные #4

Жизни главных героев терпят перевероты, масштабы которых устрашают. Цена за ошибки настолько велика, что её вес ломает даже самых сильных: Таша теряет контроль над ситуацией, Дариан теряет контроль над собой, и чем дальше эти двое заходят в своих попытках обрести свободу или поработить свою цель, тем больше усугубляется их общее положение. И вроде бы со временем у Таши получается разорвать этот порочный круг, что даётся ей с невероятным трудом и немалой долей везения, однако достаточно быстро выясняется, что это лишь иллюзия, и то, что Таша успела сделать, как ей казалось, для общего блага, лишь осложнило ситуацию. Настолько, что всё обращается в настоящий кошмар. Содержит нецензурную брань.

Anne Dar

Обреченные стать пеплом

***

Загляни в мои глаза глубже

И увидь в них мою правду.

Я сожму свои клыки туже,

Чтобы не пугать тебя сразу.

Видишь ты во мне светочь,

А хочу, чтоб видел правду.

Разменять меня нельзя на мелочь,

Повод полюбить тебя дай мне.

Не сожму твоей ладони просто,

Не дождешься от меня улыбки,

Если хочешь сеять в сердце просо,

Приготовься пожинать убытки.

Загляни в мои глаза еще раз,

И ответить попытайся честно:

Будешь счастлив, если будем порознь

Или счастье твое будет пресно?..

Anne Dar

Глава 1.

Голос, звучащий внутри моего подсознания, принадлежит Изабелле. Я раскрываю глаза, чтобы увидеть её. Она стоит напротив меня, на расстоянии вытянутой руки, и её правой ладони остаётся всего каких-то пару сантиметров, чтобы коснуться моего левого плеча. Мы уже виделись с ней, совсем недавно, и я удивлена нашей повторной встрече, но не она. Она словно знала, что этот момент наступит. Я вдруг вспомнила нашу предшествующую этому моменту встречу. В прошлый раз она оборвалась в момент, когда Изабелла произнесла слова: “Ещё увидимся”.

Я резко заглянула в глаза своему видению. “Вот и встретились”, – не улыбаясь, внезапно произносит Белла, всё ещё держа руку у моего плеча. Подумав, что она хочет взять меня, чтобы увести с собой, я поднимаю свою правую руку, чтобы коснуться её, но Белла вдруг произносит: “Рано. Встретимся через семь десятилетий. Придёшь вместе с ним. А его ребёнка оставь здесь, ему пока ещё не место с вами. Я за ним присмотрю”.

Сказав это, Белла быстро дотронулась своей ледяной ладонью низа моего живота и резким движением поднятой правой руки врезалась в моё левое плечо. Моё тело вдруг отяжелело и начало падать в противоположную от Изабеллы сторону. Левое плечо словно насквозь пронзила сотня раскалённых игл, и, падая назад, будто выпадая из белоснежной сферы обратно в чёрную, я увидела, как из моего живота, из которого внезапно начало исчезать всё имеющееся в нём до сих пор тепло, лентой исходит золотистый поток, простирающийся прямиком в ладонь Изабеллы.

Боль была невыносимой, но я не смогла издать ни звука, словно моё горло заполнил тяжёлый свинец, мгновенно загустевший и превратившийся в непробиваемую пробку. На мгновение я увидела синий и красный цвета, и красивое мужское лицо, которое было ко мне совсем близко. В мои уши резко и больно ударил вой сирены, и мой взгляд соскользнул с неизвестного мне лица на белоснежный ворот рубашки, после чего утонул в пучине чёрного-чёрного пиджака...

Мой приход в сознание продлился всего одно короткое мгновение. Затем наступила ночь, сквозь пелену которой я иногда слышала далёкий вой сирены и ощущала невыносимую боль. Я стояла посреди поля, по колена в тёмно-зелёной

траве, и всматривалась в чёрно-фиолетовое грозное небо, нависшее над моей головой, мечтая о золотистом свете, оставшемся вместе с Беллой за чертой этой черноты, в которой я вынуждена была стоять в одиночестве.

Я уже не была “там”. Но всё ещё не присутствовала и “здесь”. Я была “на границе”.

Звуки сирены из “нижнего мира” постепенно начали становиться всё глуше и глуше, и вскоре совсем умолкли. На поле наступила крошечная тишина. Ещё несколько секунд я давилась этой тишиной, пытаюсь кричать то ли от нестерпимой боли, то ли из-за неожиданно образовавшейся внутри меня пустоты, но, даже сгибаясь пополам и едва ли не выплёвывая лёгкие в порывах крика, я так и не услышала собственных воплей. Я не услышала вообще ничего. А потом чёрные небеса всей своей массой обрушились на меня, и я вдруг перестала чувствовать и физическую, и душевную боль. Кажется, они меня убили...

Когда в следующий раз я начинаю приходить в себя, я изнемогаю от разливающегося в моих ушах звона. Мне приходится ещё некоторое время лежать неподвижно, в надежде, что звон уймётся, и мои надежды оправдываются: вскоре звон начинает перетекать в прерывистый, монотонный писк. Мне понадобилось ещё несколько секунд, чтобы поморщиться при мысли, что так пищать может только электрокардиограф, отсчитывающий и выводящий на экран кривую зелёную линию моего сердцебиения. С этим прибором я была знакома давно...

Давно...

Раз есть сердцебиение, значит есть и жизнь. Я решила приоткрыть глаза, чтобы проверить её наличие.

Первое, что я вижу – это до боли знакомая спина. Дариан выходит в дверь слева, и мне безумно хочется его окликнуть, чтобы он оглянулся, чтобы посмотрел на меня, чтобы вернулся, чтобы никуда не уходил... Чтобы мне было не так страшно. Но я лишь беззвучно шевелю губами, и он, так меня и не услышав, даже не обернувшись, выходит в дверь, оставляя меня одну.

По щекам скатываются первые слёзы, я начинаю задыхаться и вдруг понимаю, что в мой рот вставлена широкая пластмассовая трубка, а к обоим моим рукам подключено по одной капельнице. Я всё ещё пытаюсь выкрикнуть имя Дариана, мысленно допрашивая саму себя о том, что именно со мной произошло. Писк электрокардиографа, следящего за моим сердцебиением, учащается, и я пытаюсь поднять руки, чтобы помочь себе встать, но вдруг понимаю, что мои запястья привязаны эластичными ремнями к перилам койки. Паника накатывает мгновенной волной. От страха я начинаю задыхаться, писк сердцебиения уже зашкаливает, как вдруг в дверь входят двое мужчин в белых халатах. Почему-то их вид вызывает во мне ещё больший испуг, отчего я начинаю буквально биться своим неожиданно отяжелевшим телом о матрас, как вдруг за спинами докторов появляется Дариан. Его и без того огромные сине-голубые глаза распахнуты так широко, что я едва не тону в их глубине, хотя, может быть, ощущение утопления в тот момент у меня было вызвано неожиданным приступом удушья.

Я хочу умолять Дариана, чтобы он отогнал от меня этих страшных людей в белых халатах, но мой язык отказывается ворочаться у меня во рту.

В момент, когда один из докторов зачем-то освобождает моё правое запястье от ремня, я, с невероятными усилиями, но резко, поднимаю освободившуюся тяжёлую руку, чтобы при её помощи освободить вторую, и, прежде чем люди в белых халатах успевают отреагировать, выдёргиваю из своего левого предплечья сразу две иглы. В этот момент кто-то резко хватает мою освободившуюся руку и с силой прижимает её к матрасу. Я оборачиваюсь и понимаю, что это Дариан. Он выдёргивает из моего сжатого кулака трубки с иглами от капельниц, и в этот момент один из мужчин в белом вводит в моё левое предплечье, в одну из страшно вздувшихся вен, иглу непостижимо больших размеров (во всяком случае в тот момент игла казалась мне просто огромной). На сей раз у меня хватает сил, чтобы вскрикнуть от боли, но мой возглас скорее похож на непродолжительный отчаянный писк, чем на вопль сопротивления.

Я вновь поворачиваю голову в сторону Дариана и вдруг встречаюсь с ним взглядом.

Он помогал людям в белых халатах, а не мне!.. Он был на их стороне, помог им побороть меня!.. Предатель!.. Я хотела прокричать ему в лицо это слово, но мой язык всё ещё отказывался функционировать, а моя голова вдруг внезапно отяжелела и врезалась в подушку.

Я ещё несколько раз попыталась оторвать затылок от поверхности подушки, но моя шея никак не могла выдержать вес головы. И вдруг я поняла, что Дариан пытается что-то сказать мне. Вернее, он говорил мне что-то – определённо говорил! – но я не слышала ни единого его слова. В ушах вновь страшно звенело и его голос никак не мог прорваться до меня сквозь этот звон. Я сдвинула брови и попыталась сосредоточиться, чтобы помочь ему быть мной услышанным, но ничего не получалось. И вдруг я поняла, что мои веки опускаются против моей воли. Единственное, что я смогла сделать, это в последний момент сфокусироваться на его быстро шевелящихся губах. В какой-то момент Дариан начал гладить меня по голове и его губы оказались достаточно близки к моим глазам, чтобы я смогла примерно догадаться, что именно он хотел до меня донести. Кажется, он говорил мне всего три слова: “Всё будет хорошо”. А потом – я была уверена в этом – вдруг добавил: “Твоей жизни ничего не угрожает”.

Он лгал. Осознанно или нет – не важно. Он не мог быть наверняка уверенным на этот счёт – это ведь жизнь. Тем более моя.

Мои веки окончательно отяжелели и в моём мире вновь наступила ночь. Больше лицо Дариана я не видела. Но ещё некоторое время я чувствовала огонь его сильных пальцев, сплетённых с моими, холодными и хрупкими, словно тёплые лучи майского солнца запутались в замёрзшем декабрьском тростнике.

Глава 2.

Я скорее очнулась, а не проснулась. Словно внезапно дёрнула невидимую ручку в уголке своего подсознания и вышла наружу из чёрной комнаты. Я шла на голос Дариана, грубый и бросающий в дрожь: “Мне всё равно, как вы найдёте подонка – откопайте из-под земли, но доставьте его мне в руки!.. Я собственноручно убью этого ублюдка...”

Наконец приоткрыв глаза, я увидела Дариана стоящим в противоположном конце палаты ко мне спиной и разговаривающим по телефону. Я интуитивно положила руку на живот, но ничего не почувствовала. На секунду мне показалось, что мой пресс онемел, но я практически сразу поняла, что это самообман.

По-видимому различив моё шевеление, Дариан обернулся, и в этот момент наши взгляды скрестились. Его был растерянным, мой же широко распахнутым.

– Таша... – он подошёл к изножью моей койки.

– М-м-м... – я не смогла заговорить сразу, из-за боли в грудной клетке, которая, как я догадывалась, никак не была связана с моим физическим состоянием. – Не говори мне... – я сжала тонкое одеяло в области своего живота. Я находилась всё в том же “полусидячем” состоянии, в котором пришла в себя в первый раз. – Позови доктора... – изо всех сил зажмурилась я, чтобы сдержать приступ подступивших к глазам слёз. – Пусть он скажет... Пусть кто-нибудь скажет... Позови же...

Я раскрыла глаза только после того, как услышала, что Дариан покинул палату. Чтобы притупить душевную боль, я начала причинять себе физическую, до боли кусая нижнюю губу и сжимая кулаки так сильно, чтобы мои короткие ногти могли с силой впиться в мои ледяные ладони.

Доктор вошёл в палату меньше чем через минуту. На вид ему было не больше сорока пяти лет и выглядел он так, как может выглядеть только переполненный сочувствием мужчина, каждую пятницу наверняка выпивающий по литру пива, чтобы хотя бы на один вечер отрешиться ото всех тех страданий, которые ему приходится лицезреть на своей любимой работе.

У доктора в руках была твёрдая папка небесного цвета, в которой, как вскоре выяснилось, пряталась история моего физического состояния.

– Что со мной? – подождав несколько секунд, наконец полушёпотом спросила я.

Прежде чем заговорить, доктор тяжело выдохнул, словно пытался взять себя в руки.

– У Вас сотрясение головного мозга третьей степени, серьёзный вывих левого плеча, ушиб большей части левой стороны туловища, особенно пострадала нога... Так же на вашем теле множество царапин и гематом различной степени тяжести. В случаях, подобных Вашему, люди зачастую лишаются способности двигаться или какой-нибудь части тела и даже жизни, Вы же, если так можно выразиться, отделались лёгким испугом.

Я молчала, чувствуя, как к моим глазам подступают слёзы.

– Это всё? – подождав несколько секунд, неожиданно осипшим голосом поинтересовалась я, будучи уверенной в том, что о самом страшном вслух ещё не сказано.

Посмотрев на мою руку, сжимающую одеяло на животе, доктор вздохнул ещё тяжелее, чем в первый раз.

– Вы потеряли ребёнка... Но это ещё не всё... – чтобы не смотреть мне в глаза, мужчина уставился в свою папку. – Выкидыш прошёл сложно... Из-за обильного кровотечения мы Вас едва не потеряли и нам пришлось сделать переливание крови... Возникли некоторые последствия... – здесь он помолчал подольше. – Есть вероятность, что вы больше не сможете забеременеть...

Моё сердце замерло... Всё даже хуже, чем я думала?.. Нет. Всё не может быть так плохо...

Наши взгляды с доктором пересеклись.

– Каковы прогнозы? – я уже хрипела, а не сипела, с горечью ощущая, что до моей первой слезы остались считанные секунды.

Время пошло.

– Поймите, в случаях, подобном Вашему, уже чудо то, что Вы не просто выжили, но не получили серьёзных повреждений... – прошло пять секунд. Доктор вновь пересёкся со мной взглядом, после чего понял, что тянуть больше не сможет, да и нельзя. – Один процент против девяносто девяти... Это значит...

– Что я никогда не смогу стать матерью... – одними губами произнесла я, почувствовав на них соль горячей воды, хлынувшей из моих глаз неконтролируемыми потоками. – Кто об этом знает?..

– Все ваши близкие... – внезапно перешёл на полупрошепот доктор и вдруг добавил. – Но только о выкидыше... О его последствиях для вашей репродуктивной системы мы пока ещё не говорили...

– Никому не говорите, – закрыла правой ладонью свой дрожащий рот я.

– Хорошо, – уверенно согласился доктор, едва уловимо кивнув головой.

Он и вправду никому не скажет, я в этом не сомневалась, как и была уверена в том, что всё о моём состоянии уже знает как минимум один человек. Дариан всегда всё знает. Иначе он не был бы собой.

Я лежала повернув голову влево, чтобы не смотреть на Дариана, сидящего справа от меня. Рассматривая холодную стену, я пыталась дышать ровно, игнорируя льющиеся из глаз слёзы. Прошло пять часов с момента моего разговора с доктором и наступила ночь – начало первого часа. Не смотря на мою просьбу никого не впускать в мою палату, полчаса назад Дариан всё-таки решил наплевать на моё желание. Когда он вошёл, я задала ему один-единственный вопрос, ответ на который, наконец, пролил свет на происходящее.

Машина, на которой я ехала, оказалась заминированной. Механизм взрывного устройства был настроен на момент, когда стрелка спидометра превышала отметку в сто километров в час. Однако что-то пошло не так и механизм сработал с гораздо меньшей силой, чем та, на которую он был рассчитан. Кем рассчитан? Стивен Эртон желал отомстить Дариану за то, что тот забрал у него возможность меня заполучить, после чего успешно довёл его акции до обнуления, чем буквально разорил его. Предполагалось, что за рулём этого Porsche должен был находиться именно Дариан. Бомба была рассчитана на него. Впрочем, как сказал Дариан, стрела достигла цели. Если бы взрывной механизм сработал на полную мощность или на встречной полосе ехал бы другой автомобиль, или ещё много-много других “незначительных” моментов, и я могла, нет, должна была умереть. Впрочем, кое-кто всё-таки не выжил... Об этом мы молчали.

Дурацкие личные счёты. Бомба замедленного действия. И, как всегда, пострадал тот, кто, в неведении, находился в зоне поражения взрывной волны, а не те, кто этот механизм, осознанно или нет, привёл в действие.

Я не могла смотреть на Дариана. Не могла ему ничего сказать. Поэтому я плакала на стену.

Глава 3.

Утром приходили мама с папой, остальных я не пожелала видеть. Мы помолчали, мама несколько раз назвала меня “деточкой”, я один раз сделала вид, будто у меня есть аппетит, но уже спустя час попросила их оставить меня “отдыхать”, и попросила передать остальным, чтобы не приходили. На самом деле я не хотела, чтобы меня видели в таком состоянии, но ссылалась именно на желание “отдохнуть”.

О каком отдыхе могла идти речь? Я просто смотрела в потолок и проваливалась во времени между сменой капельниц. Мне хотелось сдохнуть, но это запрещалось. Что мне оставалось?..

Во второй половине дня пришёл Дариан. Я как никогда не хотела с ним общаться. Поэтому я сразу же притворилась спящей и продолжала притворяться на протяжении последующих пяти часов. Было несложно, так как мне было откровенно всё равно: лежать ли с открытыми глазами или с закрытыми. Сдохнуть одинаково хотелось и так, и так.

Дариан прекрасно понимал, что я притворяюсь. Уже спустя час он произнёс это вслух, но я лишь едва уловимо повела ноющим плечом и продолжила играть роль коматозницы. Еще спустя четыре часа мне пришли ставить капельницу, но я так и не раскрыла глаз. Тогда, подождав ещё пять минут после ухода медсестры, Дариан поднялся, поцеловал меня в лоб и ушёл. Но глаза я всё равно не раскрыла. Только из-под плотно сомкнутых век потекли неконтролируемые потоки воды.

Я проснулась. Я ещё не раскрыла глаз, но ощутила, что снова жива, после чего, от разочарования, едва вновь не провалилась в сон, как вдруг мой слух уловил шаркающий звук, который в итоге и заставил меня “выглянуть” в реальность. Мне пришлось буквально заставить себя открыть глаза, и когда я это сделала, я увидела как на тот самый стул справа от меня, на котором недавно сидел Дариан, усаживается незнакомый мне парень. Он не заметил моего пробуждения, поэтому у меня было несколько секунд форы, чтобы его хорошенько рассмотреть. Высокий, заметно выше меня, но точно не выше

Дариана, широкие плечи и мощная спина (под фланелевой светлой пижамой Наверняка пряталось атлетическое тело спортсмена), густые, чёрные, словно смоль, волосы средней длины с пробором посередине выглядели очень красиво.

Удобно расположившись на стуле, незнакомец подкатил к себе поближе капельницу с которой явился, и я узнала звук движущихся колёсиков, которой несколькими секундами ранее и вывел меня из сна. Капельница была прикреплена к правому предплечью парня. Выходит он, как и я, пациент?..

Наконец гость посмотрел на меня и мы сразу же встретились взглядами. Тёмно-голубые глаза, широкие скулы, светлая кожа, на фоне которой контрастно отливала чернота его волос – он был красив, но я его не знала. Или знала?.. Неожиданно у меня возникло ощущение, будто я его уже где-то видела, но где именно – вспомнить не могла. Мой котелок варил слишком лениво, чтобы сильно напрягаться относительно подобных вопросов, да и в целом относительно всего вокруг меня происходящего.

– Разбудил? – замерев, поинтересовался парень.

Красивый голос, красивая внешность и всё же он, в отличие от меня и Дариана, не казался мне испорченным пороком красоты.

– Сколько тебе лет? – неожиданно спросила я, сама не зная почему и совершенно не отдавая отчёта себе самой в своём вопросе.

– Двадцать шесть, – задумавшись лишь на секунду, невозмутимо ответил он.

– Двадцать четыре, – я приподняла палец, на котором был закреплён пульсометр.

– Вот и познакомились, – улыбнулся гость.

Я замерла, смотря на его едва оголившиеся белые зубы и ямочки на щеках. От этого человека словно исходил свет, тёплый и непрерывный. “Человек-Тепло”, – пронеслось у меня в голове, после чего я почему-то вновь подумала о том, как этот парень не похож на нас с Дарианом. Дариан “Человек-Пламя” – испепеляющий до костей, я “Человек-Холод” – пробирающий до костей, а этот...

Он был именно “Человеком-Теплом”, этакой золотой серединой, возле которой не жарко и не холодно, возле которой можно согреться и не сгореть, как заживо сгоришь рядом с Дарианом.

Он определённо был не из нашего с Дарианом мира крайностей. Пылать так пылать – это было про нас, но не про него. Мы с Дарианом: чрезмерность, пыл, шторм в океане... Он же: умеренность, тепло, тихая гавань... С такими я не вожу знакомств. Я для таких слишком плохая, чтобы им ко мне приближаться, а они для меня слишком хорошие, чтобы мне их портить. Так откуда у меня ощущение, будто я могу знать этого человека?

– Ты кто? – наконец поинтересовалась я, начав обращать внимание на общее состояние парня: гематомы на оголённых участках тела, в том числе и на шее; несколько царапин, одна из которых легонько прошлась по правой щеке; красиво рассечённые правая бровь и уголок нижней губы; перебинтованные левое предплечье и правое запястье... И всё же, не смотря на то, что незнакомца где-то откровенно потрепало, он всё равно выглядел воодушевляюще, тем более на фоне моего хренового состояния.

– Ты обгоняла мою машину, когда произошёл взрыв, – парень повёл очевидно беспокоящим его правым плечом. – Твой автомобиль вынесло в кювет и перевернуло, но перед этим ты задела крыло моей машины, из-за чего меня снесло в противоположную сторону. Это я вытащил тебя из твоей машины, а ещё через несколько минут возле нас остановилась проезжавшая мимо семейная пара, которая и вызвала медицинскую помощь. Они прибыли спустя четырнадцать минут. Повезло, что взрыв бензобака произошёл не сразу, и я успел оттащить тебя достаточно далеко от пылающей машины.

Я нахмурилась и вдруг начала вспоминать. Это лицо я видела в красно-синем свете мигалок, а ещё я видела ворот его белоснежной рубашки и его чёрный костюм... И всё равно меня не покидало ощущение, будто я ещё прежде где-то видела этого парня, и его удачная попытка спасти меня из огня здесь ни при чём.

– Судя по твоему внешнему виду, тебе здорово досталось, – продолжала хмуриться я.

Странно, но Дариан мне об этом человеке ничего не рассказал, хотя и казалось, будто когда он рассказывал мне о произошедшем, он буквально по полочкам разложил передо мной каждую деталь, приведшую меня в эту койку.

– Царапины, ссадины, лёгкая хромота и трещина ребра, – обезоруживающе спокойно улыбнулся мой гость. – Ничего серьёзного. И, кстати, тебе сделали переливание моей крови.

– Пффф... Ну это уже слишком, – едва не улыбнулась я, но, по-видимому, забыла, как это делается. – Буду должна тебе до конца жизни?

– Должна?.. Ты о чём? Ты выжила и не покалечилась, а это главное, – гулко выдохнув, оторвал от своего колена руку парень.

Не знаю почему, но от его слов мне вдруг стало тепло. Будто где-то в глубине меня зажёгся настолько миниатюрный светлячок неумолимо тающей восковой свечи, что его и разглядеть-то было невозможно. Наверное, я просто забыла, каково это – быть никому не должной, даже в случае, если тебе жизнь спасли.

– Ты тащился на своём ягуаре, словно черепаха.

Клянусь, на одно мгновение я вдруг улыбнулась.

– Зато ты на своём порше летела быстрее Ночной Фурии*, – оголил ровные зубы парень, и я перевела взгляд на потолок (*Редкий вид драконов в полнометражном анимационном фильме производства студии «DreamWorks Animation»).

Когда в следующий раз я посмотрела на своего гостя, я вдруг поняла, что мы промолчали четверть часа, но никого из нас это не смутило. Это было странно и, возможно, даже приятно, но в последнем я не была уверена наверняка.

Глава 4.

Кошмары, уже давно не мучавшие моё подсознание, вернулись. Только вместо двух, в которых я менялась местом с Джереми или, заточённая в смятой машине, захлёбывалась кровью Изабеллы, теперь мне являлось сразу три сновидения. В третьем я вновь и вновь взрывалась в перевёрнутой машине, вновь и вновь ощущая, как жизнь, помещенная в мою утробу, покидает меня. Это было слишком реалистично и слишком пугающе, чтобы мой электрокардиограф мог пропустить kloкотание моего взбешенного после пробуждения сердца.

...Мои родственники оказались даже более лояльными, чем я могла на то рассчитывать. Моё условие: “Один день – один посетитель”, – работало почти с завидной исправностью. Впрочем, они всё равно приходили в паре, но не более того. Накануне приходили отец и мама, сегодня же явились Пандора с Генри. И это заставило меня напрячься. Кто из родственников меня мог навестить кроме них? Миша всё ещё пребывала в лечебнице, Айрис осуществляла свадебное путешествие в одиночку. Оставались только Пени и Хьюи. Те самые люди, которые растолкали бы локтями и родителей, и, тем более, Пандору с Генри, лишь бы увидеться со мной, но этого до сих пор так и не произошло – по какой-то причине я с ними всё ещё не виделась. Это заставляло меня впадать в подозрительность, но на мой вопрос о том, где пропадают эти двое, Пандора быстро ответила, что они навестят меня завтра, после чего поспешно сменила тему. Странно...

Остаток времени мы проговорили о некой Грете Олсопп. Вернее, говорил в основном Генри, а Пандора ему поддакивала, пока я молча слушала, пытаюсь сфокусироваться на новой информации и суметь порадоваться за Генри хоть как-нибудь. Думаю, что именно “хоть как-нибудь” порадоваться у меня в итоге и получилось.

Грета Олсопп работала старшей медсестрой в реабилитационном центре, в котором проходила лечение Мия. Она была немкой британского происхождения, на десять лет младше Генри, и собиралась переехать к нему из Берлина уже на следующей неделе – настолько у них всё было серьёзно, не смотря на то, что их “тайным” отношениям было всего пять месяцев от роду.

Пандора с Генри ушли, оставив меня обдумывать новость о том, что внезапно помолодевший Генри, оказывается, по-тихому обзавёлся подружкой, но не прошло и часа, когда ко мне в палату вошли трое мужчин в полицейской форме. Старший из них представился и сказал, что хочет со мной “обсудить обстоятельства моего попадания в больницу”.

Уже спустя каких-то пять минут я вдруг осознала, что меня не просто допрашивают – на меня давят, словно я не пострадавшая сторона, а соучастница преступника: известно ли мне, что именно произошло и кто за этим стоит?.. кто такой Стивен Эртон?.. как давно я с ним знакома?.. когда мы в последний раз встречались?.. являлись ли наши отношения более, чем просто дружескими?..

Мои слова о том, что между мной и Эртоном не было и быть не могло никаких взаимоотношений, словно проходили сквозь полицейских, ни на секунду не цепляясь за их ограниченные умы. Иначе я никак не могла объяснить, почему допрашивающие меня люди в форме продолжали настаивать на том, что мы с Эртоном были “близки”. В итоге всё дошло до такого абсурда, что, от силы злости и обиды, я перестала соображать, и вместо того, чтобы отвечать на сыплющиеся на меня вопросы грубоватого полицейского, немо боролась с подступившими к глазам слезами, обеими руками изо всех сил сжимая покрывающее мои ноги одеяло.

– Мисс Палмер, Вы должны отвечать на наши вопросы, если хотите избежать серьёзных разбирательств... – вдруг начал говорить третий полицейский, до сих пор молчавший и тупо записывающий каждое моё слово в свой небольшой блокнот, но он остановился на полуслове, так и не озвучив до конца своё предупреждение.

– Что за театр абсурда здесь происходит?! – буквально прогремел Дариан, появление которого, по-видимому, и заставило полицейского умолкнуть преждевременно.

Дрожа от обиды и злости, я не оторвала взгляда от своих побелевших кулаков, чтобы посмотреть на вошедшего. Я просто продолжила тщетно стараться сохранить своё шаткое самообладание.

Не прошло и полминуты после появления Дариана, как он буквально выдворил за пределы палаты всех трёх полицейских, пригрозив им серьёзными последствиями, в суть которых, всё ещё продолжая сжимать зубы, я не стала вникать.

Когда спустя несколько секунд он вернулся, я всё ещё была вне себя от нахлынувших на меня эмоций.

У Дариана были разногласия со Стивеном Эртоном – не у меня. Дариан обесценил его акции и тем самым разорил – не я. Так почему от этого пострадала я? Разве их разногласия, месть и прочая ересь стоила зародившейся во мне жизни?.. Стоила того, чтобы впоследствии я никогда не смогла стать матерью?..

Меня трясло. Дариан остановился у изножья моей койки, словно не решаясь подойти ко мне ближе.

– Таша... – едва уловимо выдохнул он.

– Знаешь, – начала я сквозь слёзы и хлюпанье носом, – я думала, что никогда с тобой не смогу рассчитаться... – я вытерла лицо ладонью, стараясь не намочить слезами прикреплённый к указательному пальцу пульсометр. – Я ошибалась.

– Я уже давно освободил тебя от того долга...

– Как только я забеременела от тебя, я помню. Что ж, теперь я с чистой совестью могу считать, что целиком и полностью рассчиталась с тобой... Думаю, что жизнь нашего ребёнка была дороже пятисот тысяч и... – я хотела сказать “и потерянная мной способность произвести новую жизнь”, но моих душевных сил не хватило на этот последний порыв и в итоге я окончательно разревелась. От услышанного спина Дариана выпрямилась, словно натянулась струна, и, кажется, он сделал полшага вперёд. Испугавшись того, что он захочет ко мне подойти, я начала говорить сквозь слёзы, продолжая реветь в свои ладони. – Уходи.... Не приходи ко мне... Оставь меня в покое...

Говоря эти слова, я надеялась на то, что Дариан, как и всегда, наплюет на моё мнение и мои желания, в которых я никогда не разбиралась, когда речь заходила о нас. Я хотела, чтобы он подошёл ко мне, обнял так крепко, чтобы я почувствовала себя живой, и, возможно, чтобы поцеловал меня хотя бы в голову... Чтобы он не уходил вчера и сегодня, и чтобы пришёл завтра... Чтобы он повёл себя со мной так, как мог себе позволить только Дариан Риордан... Но он этого не сделал.

Спустя полминуты, услышав приглушённый звук закрывшейся двери, я отстранила залитые слезами ладони от заплаканного лица. Я осталась одна.

Снова.

Дариан.

Я подхожу к своей машине, а в моей голове в десятый раз за прошедшие несколько минут звучат мои же слова, сказанные Таше совсем недавно, но уже кажется, будто целую вечность назад:

“Тебе нужны гарантии. Безопасность и для тебя, и для нашего ребёнка, – шептал я, сплетаясь той ночью своим дыханием и пальцами с её. – Я предоставлю тебе всё... Отдам тебе всё, что ты только пожелаешь, и даже больше. Ты будешь самой защищенной. Даже от меня. Ни тебе, ни ребёнку никто не навредит. Особенно я. Отныне ты ничего мне не должна – ни цента, ни минуты. Ты полностью свободна. Позволь мне быть рядом с тобой... Рядом с вами. Я сделаю всё, чтобы ты стала счастливой. Даже исчезну из твоей жизни (в этом я осознанно солгал). Разреши мне остаться, – просил я, хотя и был уверен в том, что её разрешение мне было не нужно и было необходимо одновременно. – Таша, разреши... – я уже даже не шептал, я просто шевелил губами”.

В ту ночь я думал, что разрешит мне Таша или нет – она всё равно будет рядом со мной, что такова её судьба, но тогда мне хотелось, чтобы она думала, будто принимает решение самостоятельно. Это было необходимо для её спокойствия и спокойствия ребёнка, которого она носит.

Носила...

Всё было ложью. До сих пор я даже не подозревал, что могу лгать так масштабно. Ей, себе и, главное, нашему неродившемуся ребёнку...

Сейчас, идя по пустой парковке, я мог думать лишь о том, чего не предотвратил, что наделал. И это было не меньшей моей ошибкой, которую я осознаю лишь со временем. Мне стоило думать о том, что я делал в этот момент и что ещё только должен был предотвратить. Во второй раз за всю свою жизнь я был сбит с толку. Думай я в этот момент о происходящем, а не о произошедшем, и Таша ни за что бы не потерялась. Но я заиклено думал не о том...

Поэтому, в итоге, с нами случилось то, что случилось.

Глава 5.

Хьюи и Пени пришли после обеда, и пробыли со мной до позднего вечера. Пожалуй, это было первое посещение моих родственников, получившееся непринуждённым. Хьюи, надеющийся вскоре окончательно избавиться от костылей и перейти на трость, от которой он планировал отойти уже к Рождеству, рассказывал о своих небольших, но значительных достижениях в ежедневных спортивных тренировках, о нежных отношениях с Эсми и её трёхлетней дочерью Бонни, о пока ещё туманных планах на будущее, которое он неожиданно всерьёз связал с кондитерской деятельностью. Пени же, как бы это парадоксально не звучало, в основном молчала. Она пару раз обмолвилась о Руперте и детях, рассказала о сломанной посудомоечной машине и тайком выпитом Пандорой бурбоне, однако она неожиданно стала тише самой себя, что заставляло меня подозревать нечто, о чём я никак не могла догадаться, хотя на уровне ауры и улавливала необъяснимые изменения внутри своей внезапно замкнувшейся сестры.

Когда Хьюи принял решение возвращаться домой и, взяв костыли и попрощавшись со мной, отправился к выходу, Пени, сидящая справа от моей койки, не двинулась с места. Это сразу заставило моё сердце замереть.

В момент, когда Хьюи закрыл за собой дверь, я перевела свой внимательный и изучающий взгляд на сестру. Что именно она хочет мне сказать? С ней определённо что-то происходит... Поникшая, словно виноватая, и оттого подавляющая некое скрытое от меня торжество...

Всё встало на свои места уже спустя несколько секунд.

Представляю, каково ей было говорить мне о своей третьей беременности, с учётом перенесённого мной на днях выкидыша. Интересно, как долго Пени скрывала бы от меня этот факт, узнай она о том, что после случившегося я уже никогда не смогу попытаться счастье в материнстве?.. Родила бы ребёнка в тайне и незаметно внедрила бы его в нашу семью?..

Пени узнала о наступившей беременности сразу после моего выкидыша, что, очевидно, и вызвало в ней волну необоснованной вины. Она была на втором месяце беременности, ребёнок должен появиться на свет уже в конце января. На момент рождения этого младенца Рэйчел уже будет шесть лет, а Барни три года. Идеальный возрастной разрыв между детьми, не смотря на то, что третья беременность, в отличии от первых двух, была незапланированной. Наши родители в восторге от грядущего пополнения в рядах их внуков, родители же Руперта, всю жизнь вынужденные довольствоваться одним-единственным сыном, кажется окончательно потеряли рассудок лучезарной перспективы всю оставшуюся им жизнь проняньчиться сразу с тремя внуками. Все были на пределе счастья. И я тоже.

Уходя от меня, заметно повеселевшая Пени не сомневалась в моей искренней радости относительно её грядущего материнства. Не сомневалась в ней и я. Жаль только, что уже спустя минуту после ухода сестры, я ощутила на своих губах соль от потоков воды, заливших моё лицо.

Незадолго перед крушительными для меня событиями последних месяцев Амелия сказала мне: "...Картинка накладывается на картинку... Должен родиться один ребёнок, но его словно перекрывает собой второй, которого нет..."

Ребёнок Пени обязательно родится. Это увидела Амелия.

Возможно ли, что нашему с Дарианом ребёнку с самого начала не суждено было появиться на этот свет?.. Даже если это так и всё было предрешено с самого начала, могла ли я предотвратить катастрофу?.. Могла ли исправить предначертанное?.. Не могла или... Ничего не предрешено – мы сами пишем свои судьбы.

Какая же страшная это была ошибка... Непростительная.

...Ни для меня, ни для него.

– Привет, Двадцать Четыре, – сквозь скрип катящейся рядом с ним капельницы, улыбнулся мне неожиданный гость.

– Здравствуй, Двадцать Шесть, – отозвалась я без особого энтузиазма, так как часы уже почти показывали полночь, и мои слёзы перестали катиться из глаз лишь полчаса назад. И всё же я не была против компании этого гостя. Даже подыграла ему, приняв свой возраст за имя и назвав парня его же возрастом.

– Не против? – Двадцать Шесть аккуратно тащился со своей капельницей к креслу справа от моей койки. Я была не против, но ощущала себя слишком скверно, чтобы сказать об этом. – У тебя много родственников. Не всем так везёт.

– У тебя их не так много? – подождав мгновение, предположила я, сама не заметив того, что начинаю с лёгкостью поддерживать беседу с незнакомцем.

– У меня из родственников только тётка – младшая сестра отца. Больше никого нет.

– Значит, круглая сирота?

– Я себя таковым не считаю, – поджал губы Двадцать Шесть. – Как ты себя чувствуешь?

Прежде чем ответить, я пару секунд помолчала.

– Отвратительно, – коротко произнесла я, даже не осознав, что впервые за последние несколько дней не соврала, произнеся о своём самочувствии вслух. И это произошло в разговоре не с близким мне человеком, а с человеком, вместо имени которого я называла числительные, и о котором я знала лишь то, что из родственников у него имеется только младшая сестра его отца.

Бред.

– И это пройдёт, – мудро заметил мой собеседник, в ответ на моё “отвратительно”.

– Куда ты ехал тем вечером? – спустя несколько секунд необременяющего обе стороны молчания заинтересовалась я, продолжая смотреть в потолок болящими и наверняка покрасневшими от слёз глазами.

– Я ехал от своего знакомого, живущего в ***, – едва повёл очевидно беспокоящим его плечом парень, назвав город, в котором жили Риорданы.

– Я тоже ехала от своего знакомого, живущего в этом городе, – спокойно ответила я.

– Дариан Риордан, – сдвинул брови Двадцать Четыре.

– Раз в курсе ты, значит в курсе и другие, – сквозь сжатый выдох заметила я.

– Если ты имеешь ввиду СМИ – ты ошибаешься. Об этой ситуации в новостях не сказано ни единого слова.

– Что ж, по-видимому Дариан замял шумиху, – с едва ли уловимым облегчением произнесла я.

Наступило молчание, которое, к моему удивлению, продлилось целых двадцать минут, ни секунда из которых не показалась для кого-то из нас неловкой или тяжеловесной. Наконец я почему-то решила посмотреть на своего гостя и повернула в его сторону голову. До этого смотревший на стену перед собой, парень, не двигаясь, метнул на меня взгляд.

– Я ещё не поблагодарила тебя за то, что ты вытащил меня из машины.

– Брось.

– Ты мог погибнуть.

– Едва ли я об этом думал.

– И благодарю за кровь, которую ты пожертвовал для меня.

– Ещё что-нибудь?

– Возможно я должна извиниться за то, что наши автомобили столкнулись...

– По-моему, ты серьёзно преувеличиваешь. Тебе определённо стоит легче относиться к некоторым вещам. У тебя слишком уж завышенное чувство долга. Из услышанного я бы даже сделал вывод, что оно у тебя гипертрофированное. С чего ты вдруг взяла, что ты всем вокруг должна?

И в правду, с чего вдруг? Это его выбор – спасти меня из взрывоопасной машины, как и его выбор пожертвовать для меня свою кровь. Я об этом его не просила. Больше никаких долгов. Просто жизнь, сотканная из моих собственных выборов и выборов кого-то со стороны. Кого-то, чья линия судьбы в определённый момент пересечётся с моей.

Ещё раз посмотрев на Двадцать Шесть, я откинулась затылком на приподнятую подушку и, в полусидячем положении, с закрытыми глазами, попыталась научиться дышать без боли в грудной клетке, где-то в области всё ещё бьющегося, пусть и рывками, сердца.

Не всё сразу...

Я вновь посмотрела на своего гостя. Словив на себе мой взгляд, он вдруг тихо улыбнулся мне, словно я только что застала его за наивной детской игрой, не подходящей для взрослого мужчины.

Интересно, о чём он думал?.. Его тёмно-голубые глаза могли бы мне, наверное, рассказать о его мыслях, но не сегодня. Сегодня я всё ещё была слишком убитой, чтобы воспринимать пульс чужой жизни.

Глава 6.

Нат пришла навестить меня в состоянии распалённой злости. Первое, что она сделала: потребовала от меня держать ответ за моё нежелание принимать больше пары гостей в сутки. Она была далеко не в восторге от того, что, прежде

чем попасть ко мне в гости, ей пришлось пропустить моих родителей, Пандору с Генри, Пени с Хьюи и растолкать локтями вторую волну жаждущих повидаться со мной родственников. Отвоевав сегодня у моих родителей право на встречу, она сидела напротив меня со скрещенными руками и ногами, и буквально исходила жаром. Можно сказать, что именно поведение Нат заставило меня впервые после произошедшего резко вернуться во внешний мир.

- Нат, я не знала, что тебя может так задеть моё желание побыть наедине с собой...

- Ты даже не подумала, - дую свои пышно накрашенные красные губы, проворчала огневолосая. - Дело даже не в тебе, - неожиданно резко призналась она. - Этот Байрон!.. - Нат остановилась на полуслове, в злости прикусив нижнюю губу и ещё сильнее сжав скрещённые на груди руки. - У тебя ведь выкидыш произошёл, верно?

- Верно, - невозмутимо ответила я, не понимая, как это связано с Байроном.

- Мне никто об этом не говорил, но это очевидно, с учётом того, в какой замес ты попала, да и по лицу твоей матери можно всё понять. И на фоне произошедшего с тобой, в момент наиболее неподходящий, Байрон заводит со мной тему о том, что хочет детей, представляешь?! - возмущению рыжеволосой не было предела. - Мне всего двадцать семь, понятно?! Я до сих пор так и не увидела Гранд-Каньон, не научилась рисованию по стеклу и не сделала татуировку на пояснице! У меня столько незавершённых дел - какие могут быть дети?! И потом, говорить о подобном в момент, когда моя лучшая подруга пережила выкидыш... - Нат с негодованием встряхнула головой. - Мы ведь ещё даже не поженились!

- По-моему, всё просто. Если ты ссылаешься на незавершённые дела, ты должна понимать, что таких дел у Байрона, возможно, нет. Если же ты ссылаешься на возраст, тогда вспомни, что Байрону тридцать два, а это едва ли не идеальный мужской возраст для создания семьи. Он уже многого добился, имеет уважаемую должность, собственный большой дом и дорогой автомобиль. Вполне нормально, что теперь он хочет взять на себя ответственную ношу мужа и отца. Иначе зачем ему брать тебя в жёны? Если же ты к этому не готова, то только потому, что ты боишься, а не потому, что ты слишком молода, или потому, что у тебя слишком много планов на ближайшее будущее. И, кстати, нормально и то, что он заговорил с тобой о детях в момент, когда узнал о... - я запнулась. -

Произошедшем со мной. Он просто хотел показать тебе, что он позаботится о тебе куда лучше, чем Дариан обо мне.

Сказав это я замолчала, после чего в воздухе повисла наэлектризованная десятисекундная пауза.

– Это что, сейчас было обвинение? – наконец прервала молчание Нат.

Прежде чем ответить, я хорошенько взвесила свой ответ.

– Нет одного виноватого. Мы оба виноваты. То, что между нами было... Оно того не стоило.

В ответ на моё умозаключение Нат хмыкнула и начала раскачиваться на стуле взад-вперёд.

– Во всяком случае, я не собираюсь заводить детей, – наконец выдала она. – Пока не собираюсь. Что же касается тебя... Могу лишь сказать, что у тебя ещё будут дети. Прости, но не знаю, какими ещё словами тебя можно подбодрить в этой дикой ситуации.

Я прикусила губу, ощутив, как комок боли медленно поднимается по моему горлу прямо к нёбу.

– Ничего. Не нужно меня подбадривать.

– Потому что у меня это никогда особо не получалось? – с грустью ухмыльнулась огневолосая.

Я промолчала. То ли из-за того, что это, отчасти, было правдой, то ли из-за резкой душевной боли, заткнувшей мне горло.

Спустя полчаса после ухода Нат, темнокожая медсестра лет сорока, до сих пор ежедневно выходявшая при мне на ночное дежурство, вытащила из моей опухшей вены очередную капельницу, но не сменила её новой. Она заметила, что за те дни, что я провела в больнице, я почти ничего не ела и ещё ни разу не

ходила в туалет по-большому. Этот вопрос, судя по красноречивому взгляду медсестры, мне стоило срочно решать.

Полежав ещё пять минут после ухода медсестры, я сбросила с себя тонкое одеяло и аккуратно спустила ноги с койки. Мгновенно вспомнились слова доктора: “У Вас сотрясение головного мозга третьей степени, серьёзный вывих левого плеча, ушиб левой стороны туловища, особенно пострадала нога, а также на вашем теле множество царапин и гематом...”.

Разглядывая огромный синяк, расплывшийся от середины икры до колена, я впервые заподозрила, что в течении следующих нескольких недель гематомы на моём теле будут отнюдь не худшим напоминанием о произошедшем. И о том, что я не ошибаюсь, мне стало понятно уже спустя несколько секунд, когда я попыталась встать на ноги.

Доктор не преувеличивал, когда говорил, что моя левая сторона пострадала больше правой. Отойдя от лёгкого головокружения и минутного помутнения перед глазами, я, продолжая держаться за изножие койки, попыталась выпрямиться. В итоге мне понадобилось ровно двадцать три минуты, чтобы добраться до туалета, заставить себя сходить по-большому и вернуться обратно к койке. В эти двадцать три минуты со стороны я наверняка выглядела как зомби: левая нога волочится, вывихнутое и благополучно вправленное левое плечо болтается на нашейной подвязке, а скорость передвижения не превышает больше пятидесяти сантиметров в десять секунд. Убогое зрелище.

Остановившись у койки и вновь взявшись за её изножье, я решила отдышаться, прежде чем вернуться назад под одеяло. В конце концов, пролежать шесть дней без единой попытки подняться на ноги – это слишком. Особенно для человека, привыкшего к ежедневным утренним пробежкам и прочим полезным извращениям. И о чём только думали доктора, когда решили не предпринимать попыток меня поднять? Наверное о моём сотрясении мозга третьей степени или о хреново закончившемся для меня выкидыше, повлекшем переливание крови... Иначе я никак не могла объяснить себе их спокойное отношение к лежащему пластом пациенту.

Впрочем, я не злилась. На эмоции не оставалось сил – почти все они были растрачены на поход в туалет. Закрыв глаза, я, опираясь на правую ногу, убрала руки от изножья койки и, слегка запрокинув голову, дотронулась обеими руками ноющего низа живота. Он был пуст. И я чувствовала эту пустоту всем своим

существом.

Дверь позади меня скрипнула, и я успела повернуться прежде, чем в палату вошли. Это был Двадцать Шесть.

С облегчением выдохнув, я села на край своей койки так, чтобы мои ноги свисали. Дариан сегодня так и не пришёл, и от этого мне было легко, и тяжело одновременно. Ещё вчера мне было бы просто тяжело, а уже завтра мне вдруг станет легче, чем сегодня, но об этом я не могла знать заранее.

- Без капельницы, - заметила я. - Она ужасно скрипела.

- Избавился от неё ещё утром.

- Вот как?

- Просто выбросил в окно.

Я улыбнулась.

- Выглядишь лучше, - спустя пару секунд заметила я.

- Да уж куда лучше тебя. Ты что, ходить пыталась?

- Пыталась.

- И как?

В ответ я лишь красноречиво поморщила носом.

- Ладно, я, пожалуй, присяду, - вздохнул Двадцать Шесть и обошёл кровать, чтобы занять привычный стул.

Решив, что спиной будет неудобно разговаривать, я забросила ноги на койку и, прислонившись к подушке затылком, накрылась одеялом.

- Далеко лежишь? – продолжила наше общение я.
  - В соседней палате.
  - Оу... Это ближе, чем я думала.
  - Думала, что я тащусь к тебе через всё больничное крыло, минуя внутренний двор, и всё это без лифта? – ухмыльнулся парень.
  - Хах... Ирония? Неплохо.
  - На самом деле, я бы приходил к тебе чаще и раньше, чем в полночь, вот только нет желания встречаться с кем-то из твоих родственников. Я слышал, что родственники – это в принципе тяжёлый народ.
  - Зачем ты вообще приходишь?
  - Как же! Я проверяю сохранность моей кровушки.
  - Ты что, только что назвал меня гемаконом*? – прищурилась я.
- (*Гемакон – пакет для крови).
- Донорство – это ведь всё равно, что поместить слиток золота в банковскую ячейку...
  - Эй! Прекрати... – из моей грудной клетки вдруг вырвался смешок.
  - Или как законсервировать компот...
  - Пффф... По-моему, у тебя весьма специфическое видение относительно донорства.
  - Это потому, что я родом с острова Мэн, а там у всех весьма специфическое видение мира.

- Остров Мэн? Серьёзно? Я бы могла думать, что ты испанец.
- Только если из-за цвета волос. Так-то я слишком бледный, как для испанца.
- И ты всю жизнь прожил на Мэне?
- Нет. Но я там родился. Позже мы переехали в Белфаст, там и прошла большая часть моего детства. Но каждое лето я неизменно посещаю родные места Мэна.
- Значит, ты не рос в детском доме?
- Оу, нет. Моя мать умерла вследствие несчастного случая, когда мне было девять, а отец неожиданно скончался шесть лет назад, так что я избежал участи блуждания по приёмным семьям.
- Прости за отсутствие такта. Соболезную.
- Ничего. У каждого в жизни есть моменты, от которых по коже пробегает холодок.
- Ты же не собираешься спрашивать о моих?
- Нет-нет-нет... - замахал руками Двадцать Шесть. - Оставь-ка своё при себе. Судя по всему, у тебя скелетов в шкафу слишком много, чтобы суметь всех их скрыть, так что давай я лучше подожду, пока они начнут вываливаться из шкафа самостоятельно, а потом уже обсудим все эти косточки.

Я заулыбалась. Неужели он и вправду хотя бы на секунду подумал о том, что сможет дожидаться момента, когда двери моего шкафа рухнут под натиском времени? И всё же мой ночной гость оказался достаточно прозорливым, чтобы разглядеть ту огромную массу костей, которая тихо и неподвижно хранилась за железобетонными воротами мрачного склепа моей души.

Мои кошмары не просто вернулись ко мне – они эволюционировали. В какой-то момент в них становилось так много красного цвета смешанного с чёрным, что я переставала различать границы между каждым из трёх сновидений. Красный переходил в бордовый, бордовый в чёрный и вскоре вся эта чернота превращалась в большую зияющую дыру, являющуюся мне символом моей внутренней пустоты. Всё, что со мной когда-то случилось, осталось в прошлом, но отняло у меня достаточно, чтобы пробить серьёзную брешь в моей душе.

Я ожидала прихода родителей, и они пришли. Пришли и ушли. А вот прихода Ирмы я никак не ожидала, и уходить она явно не собиралась. Да и с чего бы? Она пришла всего лишь пару минут назад, так что, по-видимому, в итоге мне самой придётся её прогнать.

– Ты ведь сама знаешь, что Кристофер с Джинной и их мальчишками отправились в путешествие, так что прийти смогла только я. Знаешь, я могу приходить к тебе каждый день. После дополнительных занятий в “Мустанге”, например, у меня куча свободного времени, – девчонка тараторила, нервно вытаскивая из пакета свежие фрукты и раскладывая их на тумбочке. – И вообще я думаю завязывать со всей этой самодеятельностью в виде репетиторства, которым я не заинтересована. Пустая трата денег и времени. Будто мне их некуда девать, эти деньги и время!.. Кстати, в июле я хочу съездить на Гавайские острова, а первую половину августа провести где-нибудь во Флоренции или Барселоне. Правда хорошая идея? Буду тратить деньги налево и направо, куплю себе парочку новых телефонов, а то мои нынешние – прошлый век, хотя им только и полгода от роду, но ты ведь знаешь, как быстро развиваются современные технологии: не по дням, а по часам. Нужно будет забронировать номера. Ты, конечно же, поедешь со мной. Тебе необходим отдых, так что я планирую оторваться по полной...

– Ирма, – твёрдо произнесла имя девчонки я, после чего та мгновенно умолкла. Я решила, что её слова, сказанные мне в самом начале нашего знакомства, наилучшим образом обрисуют дальнейшее развитие наших отношений. – Ты, должно быть, хочешь знать, как будут складываться наши отношения. Ты мне не подруга и никогда ей не станешь. Ты – обслуживающий персонал, и я даже имени твоего знать не должна. Всё, что от тебя требуется – это исполнять мои прихоти.

Глаза Ирмы округлились. Она узнала себя. Для убедительности я помолчала ещё несколько секунд и, удовлетворённая своеобразным шоком девчонки, указала

пальцем на дверь и добавила совершенно бесцветным тоном:

– А теперь уходи. И не возвращайся.

* * *

Выйдя из палаты, Ирма поправила белоснежный халат на своих плечах. Таша не догадывалась о том, что она всё знает. Естественно только из своих собственных догадок, но знает. Об отношениях Таши с Дарианом она заподозрила ещё до того, как нашла на заднем сиденье автомобиля Дариана смятую в шарик инструкцию по применению явно просроченных противозачаточных таблеток. Именно благодаря этой находке она первой, а не Дариан, догадалась о беременности Таши. Реакция же Дариана, когда она высказалась о подобной вероятности, была ровно такой, какой она и ожидала её увидеть. Сомнений не оставалось – у Ирмы скоро должен был родиться племянник.

...Но он не родится.

Идя медленным, покачивающимся шагом по длинному белоснежному коридору, освещённому неоновыми лампами, Ирма думала о том, что в очередной раз потеряла близкого человека. Они с Дарианом снова останутся вдвоём. Впрочем, только на год. Потом она поступит в университет и уедет куда-нибудь подальше от Британской земли, отобравшей у неё так много (она даже не подозревала, как много ей дала эта земля).

...Таша не согласилась поехать с ней на острова или в Европу, хотя она и не заикалась о том, что Дариан поедет с ними. Сейчас Ирме даже думать не хотелось о том, как уже спустя час её брат воспримет новость об этом отказе. Ведь это была его идея.

* * *

Ирма не сказала ни слова о Дариане. Намеренно? Возможно. Хотела ли я услышать о нём? Нет. И всё равно я сразу заметила, что о нём не сказано ни слова. Прозвучи о нём хоть какая-то информация, пусть даже вскользь, я бы точно так же мгновенно это отметила, как и отсутствие его упоминания. В этом я уверена.

...Мне нужно время...

Двадцать Шесть пришёл в момент, когда я, словно столетняя черепаха, расхаживалась по своей палате, пытаюсь научиться менее заметно хромать на левую ногу. Родители принесли мне мою фланелевую пижаму, а перед этим одна из медсестёр помогла мне принять душ, так что сейчас я могла бы чувствовать себя вполне бодро, если бы только не чувствовала себя мёртвой.

– Выглядишь получше, – окинув оценивающим взглядом мою пижаму в тёмно-синюю клетку, заметил Двадцать Шесть.

– Да и ты уже почти не хромаешь, – отозвалась я, оттолкнувшись рукой от подоконника.

– А ну-ка пройдишь, – сдвинул брови парень.

Я сделала несколько шагов в его направлении. Двадцать Шесть, прислонив указательный и большой пальцы к подбородку, безжалостно быстро оценил мою походку.

– Думаю, тебе стоит больше ходить, – красноречиво поведя бровями, предложил мне свой рецепт от хромоты он.

Я с ним согласилась.

Мы прошли два больших круга вокруг моей палаты и уже завершали третий, когда у меня вдруг кольнуло в левом плече, и я, поморщившись, оперлась ладонью о стену.

– Всё нормально? – мгновенно отреагировал Двадцать Шесть.

– Да... Но, кажется, ещё один круг будет лишним.

– Хорошо. Тогда пойдём в палату... Ты это слышишь?

Я прислушалась. Нет, я определённо ничего не слышала. Возможно, я слишком громко дышала, чтобы иметь возможность расслышать хоть что-то кроме своего kloкочущего сердцебиения.

– Нет, ничего...

– Подожди, я сейчас вернусь.

Сказав эти слова, Двадцать Шесть вернулся на три метра назад по коридору и завернул налево, после чего его шаги вскоре заглохли.

Поразительно, как легко он воспринял мой ответ относительно того, что со мной всё в порядке. Даже оставил одну посреди коридора. Что это?.. Моим словам относительно моего самочувствия ещё никогда не доверяли с такой лёгкостью. Выходит, это доверие? Дорогая это вещьца...

Хотя я и начинала переживать из-за продолжительного отсутствия своего провожатого, однако я не успела закончить свою мысль о ценности доверия, когда он вдруг вышел из-за поворота, держа в руках два одноразовых стаканчика коричневого цвета.

– Ты когда-нибудь пила горячие напитки из больничных автоматов? – подойдя ко мне впритык, поинтересовался Двадцать Шесть.

Отстранившись от стены, я заглянула в дымящиеся стаканчики в его руках.

– Уж поверь мне, мной выпито достаточно этого пойла, отчего сейчас бы я даже поморщила носом, но, судя по всему, ты взял лимонный чай, а так как я уже неделю не пила чай, сейчас я более чем просто заинтригована. С сахаром?.. – я заинтересованно посмотрела на приятеля.

Он был лишь на полголовы выше меня, но этого было достаточно, чтобы смотреть на него снизу вверх, тем более с учётом того, что я горбилась из-за тяжести всё ещё беспокоящего меня левого плеча. Благо руку всё ещё фиксировала повязка.

- С сахаром, - утвердительно кивнул Двадцать Шесть.

- Замечательно, - уверенно кивнула головой я.

Наверное, со стороны могло показаться, будто мы обсуждаем весьма серьёзный и нешуточно сложный план побега из этого заведения, но на самом деле мы просто собирались выпить горячий лимонный чай. И это была хорошая идея. Ничего криминального.

Зайдя в карман, расположенный в нескольких метрах от моей палаты, мы сели возле окна на мягкий диван, обтянутый экокожей. Здесь освещение было более тёплым, чем в коридорах, да и парочка внушительных живых пальм в глиняных горшках сглаживали больничную обстановку, так что я чувствовала себя достаточно уютно, чтобы, взяв из рук Двадцать Шесть свою порцию сладкого лимонного чая, на секунду забыть о том, что после полуночи лучше воздержаться от напитков. Ну или преждевременно посетить уборную, чтобы позже не вскакивать ни свет ни заря. Впрочем, скорее всего мои "законы" относительно жидкости были связаны лишь с тем, что за прошедшие сутки я успела влить в себя три литра жидкости, из-за чего лишь недавно перестала "зависать" в туалете.

- О чём думаешь? - вдруг поинтересовался Двадцать Шесть, прервав меня на полумысли.

- О мочевом пузыре, - не задумываясь выдала правду я.

- Хочешь в уборную?

- Нет, но на что спорим, что захочу?

- Не будем спорить - я тебе и так верю.

- Хм...

- Что? – заинтересованно посмотрел на меня сверху вниз Двадцать Шесть.

- Ты о чём? – утопила непонимающий взгляд в своей порции чая я.

- Вот это твоё “хм”. Что это значит?

- Думаю, что ты в принципе склонен к доверию, и я здесь ни при чём.

- Но вдруг я с лёгкостью поверил только тебе?

- С чего бы вдруг?

- Не знаю, – пожал плечами Двадцать Шесть. – Но я говорю о том, что ты не можешь делать выводов относительно моего доверия, не увидев, как я общаюсь с кем-то кроме тебя.

- А ты общаешься с кем-то кроме меня?! – я наигранно-удивлённо посмотрела на собеседника, хотя у меня это и получилось не так бодро, как я бы того хотела.

- Хах. Ирония. Неплохо, – ухмыльнулся Двадцать Шесть. – А впрочем, знаешь, ты попала в точку. Я общаюсь только с тобой. Меня вообще не существует. После столкновения наших автомобилей мне повезло меньше тебя, и я скончался на месте. И теперь мой мятежный дух еженощно приходит к тебе, так как может поддерживать связь с внешним миром только около полуночи и только через тебя.

- О нет! В моих жилах течёт кровь призрака!

- Именно поэтому только ты меня и видишь!

- Но зачем тебе общаться с этим миром?! У тебя ведь даже родственников нет! А вдруг ты вовсе не призрак?..

- А кто же?!

– Вампир! И являешься только ночью лишь потому, что солнечный свет тебе противен!

Мы не выдержали и расхохотались прежде, чем Двадцать Шесть придумал очередной безумный ответ в продолжение самого бредового диалога в моей жизни. Он смеялся так сильно, что в какой-то момент случайно расплескал на свою рубашку немного чая, что заставило меня подавиться очередным приливом смеха. И всё же мне стало легче, когда я узнала, что у него в запасе имеется ещё одна рубашка.

Глава 8.

Я просыпаюсь с внезапно отяжелевшей, словно налившейся свинцом головой. Рядом со мной никого нет, и это, почему-то, меня удивляет. Часы показывают шесть часов утра, и это удивляет меня ещё больше, так как я почему-то уверена в том, что сейчас должно быть не меньше трёх часов дня.

Почувствовав дискомфорт в беспокоящем меня левом плече, я хочу поправить своё предплечье, но оно вдруг отказывается подниматься. Я с замиранием сердца бросаю взгляд на свои руки и осознаю, что они привязаны к поднятым перилам койки. Какое-то время я не могу понять что происходит и что мне нужно сделать, чтобы освободиться, как вдруг я замечаю большую и незнакомую мне красную кнопку, закреплённую рядом с моим правым запястьем. Недолго думая, я нажимаю на неё.

Прошёл день. Никого из моих родственников ко мне не пропустили. В этом я так же уверена, как и в том, что они наверняка пытались сегодня прорваться к мне. Что именно произошло и как из моей жизни выпало по меньшей мере восемнадцать часов, я не помнила. Доктор сказал, что у меня случился нервный срыв. Подробностей он мне не рассказывал, а я не спрашивала, не желая вдруг услышать о том, что накануне я что-нибудь разгромила или, например, расцарапала лицо какой-нибудь миловидной медсестре... Кстати, где та темнокожая медсестра, которая интересовалась моими походами в туалет?.. И всё же я не стала спрашивать о подробностях именно из-за страха. Я боялась, что доктор расскажет мне что-то страшное, что-то, что заставит меня думать,

будто я начинаю сходить с ума. Для меня это будет слишком тяжело. Моя жизнь и так один сплошной психоделический триллер, не хватало ещё, чтобы у меня и это отняли. Я хотела оставить себе хотя бы незначительный контроль над собственной жизнью. Смирительной рубашки я точно не переживу – лучше сразу пулю в голову. И всё же... Что-то ведь должно было вызвать приступ? Он ведь не мог случиться спонтанно? Или это было не что-то, а...

...Нет, ничего не помню...

Я не стала спрашивать доктора сразу, а позже было уже поздно.

Тот факт, что мои руки освободили немедленно после моего пробуждения и моего ответа на вопрос доктора о том, как я себя чувствую, не мог меня не воодушевлять. Если бы люди в белых халатах сочли меня свихнувшейся, едва бы они развязали мне руки. И всё же, обретя эту маленькую свободу, но заметив, что медсестра стала навещать меня регулярно один раз в час – раньше это случалось не больше восьми раз в сутки, и-то из-за регулярных смен капельниц – я старалась вести себя тихо. Не требовала пропустить к себе родственников, без уговоров со стороны съела весь завтрак и обед, ужин смыл в унитаз, чтобы не вызвать у медсестёр беспокойства относительно моего отвратительного аппетита, профессионально делала вид, будто читаю сборник стихов зарубежных поэтов, которые передала мне Амелия, иногда и вправду вчитываясь в рифмованные строчки... В общем, была паинькой, не смотря на то, что моя аура была явно обесцвеченной: ноль эмоций.

И всё же проведённый в одиночестве день дал о себе знать. Тем более этот день – дата, выбитая сразу на двух гранитных камнях, без учёта камней душевных.

...Раз я провела бо?льшую половину вчерашнего дня под действием снотворного (или успокоительного – не суть), выходит мы с Двадцать Шесть не виделись накануне. Он приходил только по ночам, после того как медсестры становились менее бдительными, и внезапные гости не могли вмешаться в наши встречи. Исходя из этого можно сделать вывод, что наша встреча не изгладилась из моей памяти. Её просто не было: мы точно не виделись больше суток. Значит, Двадцать Шесть придёт сегодня. Я была уверена в этом так же наверняка, как и в том, что до полуночи оставалось ещё два часа. И всё же мне слишком опостылело на протяжении целого дня строить из себя прилежную пациентку, поэтому, сразу после того, как медсестра поставила мне вечернюю капельницу и сказала, что придёт её снять спустя час, я, дождавшись её ухода, спустилась со

своей койки и, катя рядом капельницу, направилась к выходу, по пути не забыв посетить уборную. Более-менее расчесав свои взъерошенные волосы, я уставилась в зеркало. Хорошо, что медсестра, помогавшая мне позавчера мыться, посоветовала уложить мои волосы пенкой, благодаря чему я теперь выглядела так, словно только что вышла от стилиста-парикмахера. Однако мои волосы были единственным, что спасало мой внешний вид. Бледная, почти синюшная кожа, синяк под левой скулой, ещё один у нижней губы, намёк на синяк над бровью и пара синяков под глазами (подобные зачастую бывают у людей, страдающих регулярным недосыпом). Казалось, что я вся стала почти синей, за исключением внезапно бордовых губ. Не исключено, что на моё отражение в зеркале ещё влияло далеко не самое лучшее освещение, но об этом я не задумывалась, поэтому сейчас всерьёз считала себя на вид едва ли не утопленницей. И всё равно меня это не остановило от задуманного похода.

Выйдя из своей палаты, я, прихрамывая, отправилась к двери палаты, расположенной справа от моей. Мне оставалось всего каких-то пару шагов, когда где-то вдалеке за моей спиной раздался знакомый женский голос.

– Эй, деточка, куда ты собралась?!

Я обернулась. Знакомая мне темнокожая медсестра, имя которой я до сих пор так и не удосужилась прочесть на её бейдже, стояла в конце коридора и странно махала мне рукой.

– Я в гости! – крикнула я изо всех сил, и хотя получилось как-то вяло, я была уверена в том, что она меня услышала.

Сделав последние два шага, я дважды постучала костяшками пальцев в дверь и, не дожидаясь ответа, открыла её.

– Эй!.. – удивлённо-радостно воскликнул Двадцать Шесть, увидев меня прежде, чем я увидела его. Его койка, в отличие от моей, располагалась слева, поэтому я сначала замешкалась.

– Решила тебя навестить, – поджала губы в скупой улыбке я, сделав три шага вперёд.

Двадцать Шесть, вставший со своей койки с завидной для меня ловкостью, подошёл ко мне, и в этот самый момент дверь за моей спиной открылась.

- Мисс Палмер, Вам следует вернуться к себе...

- Не стоит, - приподнял руку Двадцать Шесть. - Я за ней присмотрю.

Пока мой союзник взял на себя обеспокоенную медсестру, я взялась за изножье его койки и, обойдя её, села на край, зажав штатив своей капельницы между колен.

- Вы уверены? - с недоверием переспросила у моего знакомого медсестра.

- Конечно уверен, - я не повернулась, чтобы увидеть, но я слышала, как Двадцать Шесть улыбнулся и, держу пари, сделал это весьма лучезарно. - Можете за неё не переживать, Бетти.

Значит, Бетти? А ведь мы с ним находились здесь одинаковый промежуток времени. Однако имя этой постоянной медсестры из нас двоих знал только он...

И всё же, знающие меня люди могут сказать, что это неудивительно.

- Не ожидал тебя увидеть, - признался Двадцать Шесть, как только Бетти закрыла за собой дверь.

Я осмотрелась. Палата моего знакомого была определённо лучше моей. Стены выкрашены в нежно-бежевый вместо белого оттеняющего синим, как это было у меня, крупный плазменный телевизор, мягкий диван, стеклянный стол с лежащими на нём глянцевыми журналами, элегантный платяной шкаф, резная прикроватная тумбочка, постель застелена по-домашнему уютным покрывалом.

- Гостиничный номер, а не больничная палата, - криво ухмыльнулась я.

- Вообще-то, твоя палата тоже люкс-класса.

- Я тоже так думала, пока не увидела твою, - продолжала ухмыляться я.

– Просто мне выдали последнюю свободную палату в шесть звёзд. Тебе же досталось пять. Смирись.

– И почему же шесть звёзд досталось именно тебе?

Действительно любопытный вопрос. Ведь Дариан наверняка сделал всё, чтобы мне досталась лучшая палата, так почему не эта?

– Хороший вопрос, – сев слева от меня, поджал губы Двадцать Четыре.

– Просто ты богатенький, – предположила я.

– Хотя я и не миллиардер, всё же я могу позволить себе пару недель люкса в больнице. Просто для справки: на фоне Дариана Риордана я беден, словно церковная мышь, – задорно ухмыльнулся мой знакомый, но мне впервые не передалось его задорство. Я не ожидала услышать из его уст имя Дариана, но что-то мне подсказывало, что не неожиданность, а именно само прозвучавшее вслух имя заставило меня сжаться.

– Если мерять материальное богатство Риорданами, тогда я вообще нищенка, – нахмутив лоб, отвела взгляд от собеседника я, положив обе свои руки на штатив капельницы и подкатив её к себе ещё ближе.

– Знаешь, Двадцать Четыре, мне кажется, что ты слишком много думаешь. Тебе просто необходимо расслабиться, – Двадцать Шесть положил руку на моё плечо с явным намерением его пожать, но я тут же прогнулась от разлившейся в плече покалывающей боли. – Извини! – резко отдернул руку он. – Ты сегодня без повязки – я и забыл, что у тебя вывих.

– Значит, мне стоит расслабиться? – ухмыльнулась я скорее от неожиданной боли, нежели от желания улыбнуться. – Знаешь, я ненавижу число двадцать четыре. Если быть точной, тогда конкретно эту дату. Сегодняшний день... Ровно одиннадцать лет назад моя жизнь в этот день пошла наперекосяк.

– И что же случилось? – сдвинул брови Двадцать Шесть, тем самым давая мне понять, что слушает внимательно.

Что ж, по крайней мере не одна я отличалась отсутствием такта. Меня это даже порадовало.

– Машину, за рулём которой сидела моя мать, на полной скорости протаранил мусоровоз. Она и мой старший брат погибли, ещё один брат впал в десятилетнюю кому, из которой, пролежав десять лет без единого признака жизни, чудом вышел четыре месяца назад. Я же выжила, провалялась в больнице целый год и подорвала своё душевное состояние. Всё усугубляется тем, что перед столкновением я поменялась местом с братом, который, в итоге, погиб. Бонусом к этому месяц назад выяснилось, что в тот день за рулём была вовсе не моя мать, а без вести пропавшая после той аварии её сестра-близнец, о чём я, как единственная выжившая в той мясорубке, могла бы сообщить, если бы распознала подмену.

Я замолчала, и Двадцать Шесть поддерживал повисшую в воздухе тишину не менее десяти секунд.

– Ничего себе, какое у тебя, должно быть, огромное необоснованное чувство вины лежит камнем на душе, – вдруг выдал он.

– Почему это необоснованное? – сдвинув брови и посмотрев в тёмно-голубые глаза собеседника, приняла воинственную стойку я.

– Неужели непонятно? Ты должна смириться с тем, что это был не твой выбор, а выбор твоей матери, тёти, брата... Ты должна это отпустить. Просто будь им благодарна. Как думаешь, они были бы в восторге, узнав, что ты осуждаешь их выбор, который стоил им жизней?

Не переставая хмуриться, я ещё несколько секунд смотрела на Двадцать Шесть, после чего, опустив руки вниз по холодному штативу капельницы, слегка пригнула голову и посмотрела на побелевшие костяшки своих сжатых кулаков.

Возможно, он был прав. Но он был первым, кто сказал мне об этом.

Мне необходимо было подумать над услышанным.

– И всё же, как бы глупо это не звучало, мне не нравится цифра двадцать четыре. Парадоксально, что ты меня называешь именно этой цифрой? – вновь посмотрела на собеседника я.

– Возможно, – пожал плечами Двадцать Шесть.

– У тебя есть имя? – резко поинтересовалась я, слегка расправив плечи.

– Странный вопрос, – ухмыльнулся мой собеседник. – Будто его у меня может не быть... Во всяком случае, я знаю твоё имя.

– Откуда?

– Перестань так хмуриться, – сорвался на смешок Двадцать Шесть. – Мисс Палмер, верно? Бетти ведь только что при мне обратилась к тебе именно так. Да и я слышал, как тебя называют Ташей.

– От кого ты слышал?

Я не ожидала, что столь невинный вопрос заставит его вдруг замяться.

– Помнишь вчерашний инцидент? – почесав указательным пальцем скулу, Двадцать Шесть неожиданно ответил вопросом на вопрос.

– Инцидент?.. – сначала я не поняла, но потом мой разум словно прояснился. – А... У меня был нервный срыв, – я отвела от собеседника смущённый взгляд и, посмотрев на своё оголённое предплечье, почесала кожу возле вставленной в распухшую вену иглы. – Прежде у меня подобного не случалось... – я запнулась, вдруг вспомнив, что на самом деле – случалось. Точно случалось. Мне было тринадцать, я была на грани, и Хьюи перевели в другое крыло больницы. Меня о его переводе не предупредили. Я тогда подумала, что он скончался... Да, у меня уже однажды случалась истерика с последующим провалом в памяти. – Ну, может быть, один раз... Из-за той аварии, знаешь ли... В общем, я ничего не помню о второй половине вчерашнего дня. Помню только, что приходили родители и потом ушли, а потом... Ничего. Темнота. Случилось что-то серьёзное, да? – я отвела взгляд в правый нижний угол комнаты, подсознательно боясь услышать что-то страшное, искажающее мою реальность, то, за что мне будет

по-настоящему стыдно смотреть собеседнику в глаза.

– Нет... Ничего. Просто вчера, пока тебя пытались утихомирить, я услышал твоё имя.

– Вот как?.. Выходит, что ты знаешь моё имя, но я не знаю твоего, – с облегчением выдохнув от того, что собеседник уклонился от подробного ответа, я вновь посмотрела на него и прищурилась. – Мы раньше нигде не пересекались? Просто твоё лицо мне с самого начала кажется очень знакомым.

– Меня зовут Робин, – Двадцать Шесть улыбнулся так, будто его имя должно было мне о чём-то сказать, но оно не сказало.

– Робин, – задумчиво сдвинула брови я. – Красивое имя.

– Правда? – он заулыбался ещё шире, словно я упускала что-то слишком очевидное.

– Мне нравится, – невозмутимо пожала плечами я. – Всё лучше, чем цифры вместо имени. И, если честно, Двадцать Шесть тебе ни капли не шло.

– Хах! – заинтригованно усмехнулся Робин. – Тогда какая цифра мне больше подходит в качестве имени?

– С учётом того, что наши “цифровые имена” соответствовали нашим возрастам... – я наигранно задумалась. – Восемьдесят семь.

– Что?!

– Да, Робин, – усмехнулась я, положив руку на плечо собеседника, – в моём видении ты дряхлый старик!

– Тогда тебе больше подходит цифра пять! – засмеялся он.

– Вот как? – улыбаясь, я вернула свою руку на штатив капельницы. – Обоснуй.

- Просто доверься моему чутью.

- Довериться незнакомому человеку? Едва ли!

- Говоришь так, будто у тебя нет проблем с доверием знакомым тебе людям. И потом, мы не такие уж и незнакомые. В конце концов, мы на протяжении недели ежедневно общаемся, я вытащил тебя из горящей машины...

- И отлил мне свою кровушку. Да-да, я всё помню.

- Только не думай, что я буду напоминать тебе об этом всю твою оставшуюся жизнь, - продолжал усмехаться Робин.

- Какую ещё жизнь? - вторила его смеху я. - Нас скоро выпишут, а судя по твоему состоянию, тебя выпишут даже раньше меня, так что нашему общению скоро придёт конец.

- Мисс Палмер, значит, - задумчиво произнёс Робин. - Выходит, ты не замужем.

- Я?! - продолжала улыбаться на улыбку собеседника я. - Замужем?! Присмотришься ко мне повнимательнее и поймёшь, что я не создана для семейной жизни. И потом, мне только двадцать четыре, - заговорила словами Нат я, - какое в этом возрасте может быть замужество? Только сумасшедшее.

- А ты здравомыслящая?

Я больно прикусила нижнюю губу, прежде чем отвести взгляд от тёмно-голубых глаз Робина.

- С учётом того, что ты в курсе моего нервного срыва, я не могу тебя убедить в своём здравомыслии. Едва ли я вообще могу представиться тебе нормальной.

- О нет, Таша Палмер, - Робин хотел вновь дотронуться до моего плеча, но вовремя вспомнил о вывихе и отстранил руку. - Я могу тебя заверить в том, что ты абсолютно ненормальная. С чем я тебя и поздравляю.

– Правда? – довольно улыбнулась я, вновь посмотрев на улыбающегося парня. – Спасибо.

– Вообще-то, я до сих пор думал, что Дариан твой муж. Выходит, он твой парень?

Я замерла в своей улыбке, которая, уже спустя несколько секунд, начала крошиться и рассыпаться в прах. Общение с этим человеком было похоже на американские горки: вверх-вниз и затем снова вверх, чтобы в очередной раз спуститься вниз, но лишь затем, чтобы вновь подняться на вершину. Странное ощущение.

– Так как? – настаивал он.

– У нас были отношения... – отвела взгляд я, так больше ничего и не добавив.

– Понимаю, – спустя несколько секунд умиротворённым тоном произнёс Робин, и я вдруг поняла, что вибрация его интонации подействовала на меня успокоительно.

“Понимаю”, – эхом прозвучал голос собеседника у меня в голове, после чего я включила немой повтор услышанного собственным голосом: “Пони-маю.. По-ни-ма-ю...”. Мне нравилось это слово.

Я заинтересованно посмотрела на парня, сидящего слева от меня и смотрящего куда-то вдаль. Откуда я его могла знать?.. Ведь определённо я прежде с ним не общалась. Я бы не смогла забыть вибрации его голоса.

У-ми-ро-тво-ре-ни-е...

– Похоже, капельница начала делать своё дело, – тяжело выдохнула я. – Я хочу в туалет. И, пожалуй, предпочту отправиться в свой, чтобы потом вернуться в постель.

– Окей, я тебя провожу.

– Конечно проводишь! Иначе Бетти тебя линчует, – усмехнулась я, и мы встали с его койки.

Выйдя из палаты, я, вцепившись рукой в холодный металлический штатив капельницы, сделала несколько прихрамывающих шагов по направлению к своей двери, как вдруг меня словно молнией поразило!

Резко обернувшись на идущего рядом парня, я воскликнула:

– Робин Робинсон! Десятый номер!

В моём мозгу замелькали яркие вспышки. Вот мы с Дарианом обсуждаем виртуозную игру капитана футбольной команды, на гостевом матче которой присутствовали. В тот день я прониклась этой игрой и вскоре подсадила на неё Нат с Коко, которые неоднократно кричали в восторге: “Этот хренов виртуоз Робинсон порвёт любого на футбольном поле!”

Так вот почему медсестра Бетти смотрела на него неприкрыто пожирающим взглядом! Он был – что б его! – футболистом сборной Великобритании!

В голове крутились слова прямо или косвенно связанные со словом “хрень”. Как я могла не вспомнить?!.. Я ведь столько игр с его участием пересмотрела на повторе!

– А ты спрашиваешь, почему тебе больше подходит не Двадцать Четыре, а Пять, – довольно усмехнулся парень.

– Ты!.. – со злостью выдавила я, едва не ткнув в грудную клетку собеседника указательным пальцем, благо я была прикована к ненавистой капельнице. – Не смей провожать меня в туалет!.. – даже не думая шутить, пригрозила я, но сразу же поняв, что сморозила глупость, вместо того, чтобы перевести этот “момент” в шутку, ещё больше разозлилась.

Резко развернувшись, я, вцепившись в капельницу, максимально быстрым шагом хромающего пирата с поленом вместо ноги, направилась к двери своей палаты, даже не задумываясь о том, как анекдотично это выглядит со стороны.

– Таша! – сорвался на откровенный смех Робинсон. – Ну не обижайся!..

– Мог бы сказать сразу! – дотронувшись до дверной ручки, обернулась я, чтобы убедиться в том, что он застыл на месте и не потащился за мной вслед.

– Я не мог! – продолжал дружелюбно смеяться он. – Не мог лишиться себя удовольствия обыденности человеческого разговора. Не узнала меня и ладно, зато я наслаждался тем, что был для тебя Двадцать Шестым, а не Робинот Робинсоном под номером Десять.

– Ты выставил меня душой! – продолжала ворчать я, не желая признавать того факта, что его смех и интонация, что, впрочем, я заметила с первой минуты нашего знакомства, действуют на меня успокоительно. – Видеть тебя не желаю! – мой голос предательски выдавал мою ложь, о которой не догадывалась даже я.

– Ты ведь несерьёзно, – опустив руки, Робин поджал губы и состроил искренне-печальную гримасу, от которой у меня, почему-то, зашкребло на душе. Будто мне и вправду стало его жаль.

– Сегодня не желаю!.. До завтра!.. – теряя браваду, старалась до последнего сражаться я, но, сколь скоро осознала утрату своих сил в бою, поспешно дёрнула дверную ручку и поторопилась закрыть за собой дверь.

И всё же, прежде чем захлопнуть за своей спиной дверь, я услышала его наполовину наигранное, наполовину правдивое, печальное: “До завтра”. И снова зашкребло на душе. Нет, я не могу испытывать к нему жалость! Пусть он проливает лимонный чай на свою рубашку и не имеет сменной одежды или даже пусть вот так вот сверлит мою спину взглядом тоскливого щенка – мне всё равно! Он был виноват передо мной, что, по-моему, было абсолютно очевидно, а это значит, что у меня есть полное право на него злиться.

Однако, не смотря на “полное право”, я, почему-то, не злилась, но и не жалела об этом. Как и не жалела его самого. Мне просто не хотелось, чтобы он огорчился, тем более из-за меня. В конце концов, его кровь сейчас текла в моих жилах...

К окончанию вечера я вновь ощутила себя неблагодарной.

В который раз за всю свою непродолжительную жизнь.

Глава 9.

Мы шаркали медленным шагом вперёд по коридору. За прошедшие пару суток моя пострадавшая больше правой левая сторона стала чувствовать себя значительно лучше, даже хромота стала менее очевидной. Расхаживать вместе по ночным коридорам в свете неоновых ламп стало для нас едва ли не традицией. Я больше не сердилась на Робина за то, что он в общении со мной умолчал о том, кем он является, так как вскоре поняла, что этот его ход весьма недурно сработал. Теперь я не воспринимала его как Робина Робинсона, одного из лучших нападающих в британском футболе – я продолжила воспринимать его как напарника по ночным “пижамным” похождениям по больничным коридорам. И от этого было легко, за что я могла его благодарить, но никак не держать на него обиду.

Он пришёл ко мне в половину одиннадцатого и, тонко уточнив и наверняка убедившись в том, что я больше на него не обижаюсь, пригласил меня прогуляться. Мы не покидали своего этажа, за последующий час четырежды обойдя каждый его сантиметр, поэтому, когда Робин вдруг остановился напротив неосвещённого закоулка и с задумчивым видом стал в него вглядываться, я заинтересовалась.

– Что? – наконец не выдержав полуминутного молчания, поинтересовалась я, стоя в полушаге за спиной своего напарника.

– Ммм... – задумчиво протянул Робин, после чего уверенно вошёл в закоулок, заставленный десятками картонных коробок.

Недолго думая, я отправилась за ним, и вскоре, обогнув высокие колонны из коробок, пару из которых Робин ловко сдвинул вбок (по всей видимости, они были пусты), я вновь остановилась за спиной своего провожатого. Лишь спустя мгновение я поняла, что он открывает выход на балкон.

Как только стеклянная дверь была открыта и Робин вышел в неё, я, не задумываясь, шагнула вслед за ним. Тёплый порыв июньского ветра мгновенно подхватил мои волосы и поднял их концы вверх. Я поёжилась и всем телом

сжалась под своей фланелевой пижамой. Холодно не было, но даже лёгкий намёк на ночную прохладу заставил меня машинально запахнуть рубашку.

- Свежий воздух, - констатировал Робин и сделал глубокий вдох.

Я повторила за ним. Воздух и вправду был настолько свеж, что, кажется, у меня немного закружилась голова. Обернувшись и удостоверившись в том, что выход на балкон закрыт и с коридора нас не видно из-за нагромождения коробок, я подошла к высокой периле, в высоту достающей моего солнечного сплетения, и, крепко сжав её руками, сделала шаг назад, словно хотела начать отжиматься от неё.

- Ты веришь в реинкарнацию? - неожиданно спросил Робин.

- Я верю в Бога, - уверенно ответила я, после чего обернулась и посмотрела на собеседника через правое плечо, пытаюсь понять, что именно он хотел от меня узнать при помощи этого вопроса. Но он молчал, и вскоре я отвернулась.

Постояв в таком положении ещё несколько секунд, я оттолкнулась от перил и, сделав пару шагов назад, аккуратно прислонилась к холодной оштукатуренной стене, шершавость которой не позволяла почувствовать себя уютно. Постояв так около пятнадцати секунд, я повернула голову вправо, чтобы посмотреть на своего спутника, стоящего в трёх шагах от меня, и вдруг встретилась с ним взглядом. Я не ожидала этого, как и не подозревала того, что он уже смотрит на меня, причём в упор, отчего, заметив это, я замерла.

- Знаешь, я завершаю свою карьеру, - вдруг произнёс он, и этими словами застал меня врасплох.

- Только не говори, что дело в этой аварии, - скривилась от ещё неясного, но начинающего проявляться чувства вины.

- Нет-нет. Конечно нет.

- Но твоя трещина в рёбрах и это твоё прихрамывание... Для футболиста это может быть серьёзным.

- В аварии я пострадал несильно. Можно сказать, что вообще не пострадал. А насчёт моего ухода из футбола... - он поджал губы. - Я планировал это ещё до аварии. Точнее, я решил это как раз в тот вечер, когда наши автомобили столкнулись.

- Оу, - сдвинула брови я, всё ещё слабо веря в столь тонкое совпадение. - Но почему ты вдруг решил уйти из футбола? Всего два года назад вы получили бронзу на Чемпионате мира, ещё раньше серебро на Чемпионате Европы. Это ведь настоящий успех.

- Просто пришла пора уйти красиво, чтобы позже не уходить с позором.

- Уйти из футбола в двадцать шесть? Ты ещё минимум два Чемпионата мира можешь покорить.

- По правде говоря, не могу, - поджав губы, выдавил Робин, и я замолчала в ожидании продолжения. - Полгода назад я получил свою первую серьёзную травму, после которой у меня выявили серьёзные проблемы с суставами стоп. Если я продолжу играть в том же темпе, в котором играю сейчас, я рискую заработать себе проблемы с движением, а играть хуже, чем я играю сейчас, я не намерен. Уходить всегда больно, особенно если ты пытаешься уйти от того, чему посвятил большую часть своей жизни... Правда, в этом вопросе мне помогла эта лёгкая травма, полученная во время нашего столкновения, - ухмыльнулся Робин. - Хотя я и принял решение до её получения, только сейчас я осознал, что иного пути, кроме как ухода из профессионального футбола, я не имею. Можно сказать, что столкновение с тобой помогло мне принять неизбежное и смириться с правдой.

- То есть ты не переживаешь по этому поводу?

- Переживаю, конечно, но что поделаешь?.. Уверен, в мире есть масса вещей, которыми я смогу заняться...

- Уже есть что-то на примете? - попыталась улыбнуться я.

- Вообще-то, есть, - довольный моей проницательностью, ухмыльнулся Робин. - Я покупаю футбольный клуб.

- Ого, - не смогла не сдержать восторга я. - Это ведь целое состояние.

- Если быть более точным, я потратил и ещё потрачу на это предприятие все имеющиеся у меня деньги, - поджал губы Робин.

- Так ты банкрот, - ухмыльнулась я.

- Зато с футбольным клубом за пазухой... - он вдруг умолк и, спустя несколько секунд, неожиданно спросил. - Как думаешь, у меня получится?

- Обязательно получится, - не задумываясь, уверенно произнесла я. - Я бы поставила на успех твоего предприятия не одну тысячу долларов.

- Не одну, тогда сколько? - задорно заулыбался Робин.

- Начнём с того, что у меня нет и фунта, не говоря уже о тысячи долларов. Но, знай, я бы сделала ставку. И это не смотря на то, что я совсем не азартный человек.

- Что ж, значит у меня и вправду есть шансы, - ещё шире заулыбался Робин.

В полном молчании, вглядываясь в отдалённый ночной Лондон, вид на который с десятого этажа открывался просто замечательный, мы простояли ещё около десяти минут, когда Робин вдруг вытащил что-то из-под своей фланелевой рубашки сзади. Я присмотрелась: это был один из глянцевых журналов, лежащих у него в палате на столе. Найдя интересующую его страницу, он аккуратно вырвал её и уже хотел с ней что-то сделать, когда я задержала его за локоть, чтобы посмотреть на обрывок. Неожиданно встретившись со знакомым взглядом, смотрящим на меня с глянцевой страницы тёмной голубизной, я улыбнулась.

- Это ты? - сквозь улыбку, заметила я.

- Да, - коротко ответил он, после чего продолжил свою попытку сложить из вырванной страницы какую-то конструкцию.

- Что это будет? - поинтересовалась я.

– Самолётник... – задумчиво отозвался Робин. – Знаешь, помимо того, что я больше не смогу играть в игру, которой посвятил без малого пятнадцать лет своей жизни, недавно со мной произошло ещё кое-что очень важное и, возможно, не менее трагичное... – он вдруг запнулся, но заминка продлилась лишь секунду. – На протяжении шести лет я состоял в серьёзных отношениях с девушкой, которую любил без ума. Думаю, подобное часто происходит с первой влюблённостью... Мы были не просто влюблены, но, как я до сих пор думал, весьма счастливы... Во всяком случае, я точно был с ней счастлив. Месяц назад я узнал, что она изменяет мне. Это произошло случайно. У нас, как и всегда, всё было замечательно. Я пришёл к ней на квартиру, которую последние пять лет снимал для неё, у нас состоялся прекрасный романтический ужин, который завершился не менее замечательно... В общем, всё как всегда. Утром, пока Флаффи спала, я, как иногда делал, проверил утреннюю прессу. Среди пары неоплаченных счетов и свежих газет оказался незапечатанный конверт. По-видимому, его бросили в почтовый ящик без помощи почтовой службы. Не знаю, посмотрел бы я его содержимое или не обратил бы на него внимание, но когда я неуклюже поднял его со стола, на пол упала фотокарточка. Когда я поднял её, я понял, что на ней запечатлена полуобнажённая Флаффи в компании человека, с которым несколько лет назад я рассорился из-за спонсорства. Фотокарточка была подписана словами: “Ты лучше, чем ты думаешь”.

– Оу... Робин, – я положила руку на его плечо, неожиданно почувствовав боль его разбитого и саднящего сердца, что меня вдруг ошеломило. – Такое бывает... – Наверное. Я не была в этом уверена, так как со мной ничего подобного не случилось.

– Это было не насильно... Я про то, что происходило между ней и моим противником. Единственное, что, возможно, должно было меня утешить – это то, что они были вместе всего три раза и их отношения продлились всего две недели, прежде чем я о них узнал... Мы расстались молча. Ей было слишком стыдно – мне слишком больно.

С этими словами Робин запустил свой самолётник, который, приняв ровную траекторию, полетел на удивление далеко.

– Вы общались с ней после? – зачем-то поинтересовалась я.

– Нет. Зачем?

– Первая любовь – штука серьёзная. Говорят, что зачастую она остаётся единственной на всю жизнь, – взяв журнал из рук Робина, я выдрала из него первую же страницу и начала на скорую руку собирать свой самолётик.

Подождав немного, Робин забрал журнал обратно и тоже выдрал из него лист.

– Спустя неделю после нашего расставания наша общая знакомая сказала мне, что Флаффи поспешно собрала чемоданы и вернулась к себе на родину, в Ирландию. В начале июня я внёс последнюю плату за жильё, которое снимал для неё. На этом всё.

– Ну, она хотя бы не осталась с тем чуваком, твоим противником, если тебя это, конечно, может утешить, – сказала я, сделав шаг вперёд, и со всего размаха бросила самолётик вдаль. Он, совершив резкий заворот вниз, ударился носом о перила и предательски отскочил в сторону обрыва.

– Знаешь, если честно, меня это всё-таки утешает, – признался Робин.

– Это вполне естественно, – обернулась к собеседнику я. – В конце концов, шесть лет жизни, первая любовь и, тем более, прошёл всего лишь месяц. Думаю, ты её не скоро забудешь. И даже если забудешь, всё равно продолжишь периодически вспоминать.

– Как-то ты мрачно описываешь последствия этих оборвавшихся отношений, – криво ухмыльнулся Робин.

– Как есть, – пожала плечами я.

– Смотри, – он поднял руку со своим новым самолётиком, – его нужно запускать максимально плавно, и тогда, если не вмешается ветер, он пролетит достаточно далеко, чтобы упасть вне поле твоего зрения, – с этими словами он сделал шаг вперёд и аккуратно запустил самолёт куда-то вдаль.

– В детстве мне самолётики делал отец, – прикусила нижнюю губу я, засунув руки в карманы пижамных штанов. – Так до сих пор и не научилась нормально их конструировать самостоятельно.

- Кто твой отец? – задал неожиданный вопрос Роб.

- Раньше был бизнесменом, начальником успешной полиграфической фирмы. Теперь он мастер: из-под его рук выходят утончённые скрипки.

- Интересный человек, – сдвинул брови Робин.

Мы немного помолчали.

- Почему ты сделал первый самолётик из страницы, на которой был изображён? – вдруг решила поинтересоваться я.

- Просто хотел отпустить себя. Хотя бы так... Хотя бы как-то...

- Помогло?

- Хочешь проверить? – спросил он, и, словив на себе заинтересованный взгляд, он встряхнул журналом в своих руках. Открыв очередную страницу со своим изображением, он вырвал её и в считанные секунды сделал из неё ещё один самолётик, который вдруг протянул мне. – Держи, это тебе. – Наблюдая за тем, как я ворочаю самолётик в руке, он добавил. – Выпусти его. Только плавно, чтобы не протаранить обшивку какого-нибудь автомобиля, припаркованного внизу.

Я ухмыльнулась, ещё раз посмотрела на собеседника, потом на самолётик в своей руке, одно крыло которого улыбалось мне его улыбкой, и плавно пустила лёгкую бумажную конструкцию перед собой.

Мы помолчали ещё полминуты.

- Ну что, полегчало? – спокойным тоном поинтересовался Робин.

- Если честно, ничего не почувствовала, – с озорной улыбкой посмотрела на собеседника я.

- Тогда, могу предложить тебе кое-кого повесомее меня, – не ответив на мою улыбку улыбкой, произнёс с сосредоточенным выражением лица Робин, начав

листать плотный журнал в своих руках. Не прошло и десяти секунд, когда он нашёл то, что искал. – Вот, – он протянул мне журнал и, как только я его взяла и прежде чем успела изучить его содержимое, добавил. – Можешь попробовать отпустить, вдруг полегчает? Но, только если ты этого хочешь.

Я опустила всё ещё улыбающийся взгляд в журнал и замерла. С глянцевой страницы на меня смотрел идеальный портрет Дариана Риордана, “потомственного миллиардера”, как гласила колонка слева от фото. Моя улыбка словно подверглась шоковой заморозке, поэтому рассыпалась лишь спустя несколько секунд.

Робин внимательно наблюдал за мной, но я этого не осознавала. Помедлив ещё несколько секунд, я, тяжело выдохнув, запрокинула голову и захлопнула журнал, но поняла, что машинально заложила страницу с Дарианом указательным пальцем. Как только я это осознала, я сразу же раскрыла журнал повторно и, не сомневаясь ни секунды, аккуратно вырвала портрет Риордана. Присев на корточки, я положила журнал на бетонный пол и начала делать из его заветной страницы самолётик, списывая лёгкую дрожь в руках на ночную прохладу. Когда дело было сделано, я поднялась и подошла к краю балкона, чтобы как можно дальше за его пределы протянуть свою руку. Как только самолётик высвободился из моих сжатых пальцев, мой взгляд упал на огромный, до боли знакомый сине-голубой глаз, пронзительно заглянувший в этот миг в мою душу. В сердце мгновенно кольнуло, и я поняла, что легче, возможно, мне когда-нибудь и станет, но точно не сегодня.

Самолётик, с самого начала отказавшийся лететь по ровной траектории, пару раз неуклюже накренился и, подхваченный вихрем неожиданно поднявшегося ветра, сорвался вниз. Я обернулась и с неловкой улыбкой посмотрела на Робина, который, как оказалось, всё это время внимательно наблюдал за моими движениями.

– Я ведь говорила, что я хреново делаю самолётики, – пожала плечами я.

– Что ж, пожалуй нам всё-таки станет легче, пусть даже и не сегодня, – невозмутимо ответил Роб.

Как же всё-таки странно, когда тебя видят насквозь, и когда ты сам способен увидеть кого-то сквозь кожу. Что ж, если бы я верила в существование

родственных душ, тогда, пожалуй, я бы поверила в то, что душа Робина Робинсона может являться таковой для меня.

Но я в подобное не верила.

Глава 10.

Меня разбудила жуткая боль внизу живота. Неожиданно повисшая беспросветная серость за окном накрапывала мелким, но густым дождём, настенные часы показывали восемь часов утра. Отдышавшись, я попыталась поднять правую ногу, но резкая боль, мгновенно разрезавшая низ моего живота вдоль, заставила меня вскрикнуть и замереть. Подождав ещё несколько секунд, я, не переставая учащённо дышать и морщиться от режущей боли, сбросила с себя тонкое одеяло и оцепенела, поняв, что лежу в растекающейся по простыне луже крови. Несколько раз подряд нажав на кнопку вызова медсестры, я едва сдерживала подступившие к глазам слёзы боли и страха. Я не понимала, что со мной происходит, но мне достаточно быстро объяснили.

В течении дня я трижды подвергалась обработке обезболивающими через капельницу, дважды пила огромные розовые таблетки, ровно двадцать три раза, не смотря на отдающуюся в пятках боль, ходила в туалет, чтобы менять насквозь мокрые прокладки, по размерам больше напоминающие памперсы. Ещё никогда в жизни у меня не было столь мучительной менструации, но, судя по неоднозначным выражениям моего лечащего доктора, я начала подозревать, что подобное теперь будет случаться со мной чаще, чем мне того хотелось бы.

К концу дня, окончательно обессилив от притуплённой обезболивающими боли, я, в очередной раз вернувшись из туалета, зарылась под одеяло и, в позе зародыша, держась за живот, постаралась заснуть, но мысли о сегодняшнем приходе родителей и воспоминания о вчерашнем посещении Пандоры, Генри и Руперта, крутились в моей голове с такой скоростью, что следующие десять минут мне пришлось жмуриться изо всех сил, чтобы поскорее выпроводить своих родственников из палаты своих мыслей. И, кажется, у меня это в итоге получилось. Во всяком случае, в какой-то момент я перестала думать о них, в моей голове вдруг наступила глухая тишина, а перед глазами мелкими

крапинками зарябила темнота...

Тот факт, что я плачу, я осознала не сразу, но как только осознала, поняла, что не могу остановиться, да и остановить себя я, в итоге, так и не попыталась.

Не знаю, как долго я проплакала, но это длилось точно не меньше пятнадцати минут, как вдруг моего плеча кто-то коснулся. Я замерла и ещё не успела подумать о том, кто бы это мог быть – наверняка бы пришла к выводу, что это Бетти или какая-нибудь другая медсестра – как вдруг где-то совсем рядом над моей головой раздался знакомый, успокаивающий мужской голос:

– Таша, ты чего?

– Ничего, – сквозь заложенный нос отозвалась я.

– А можно мне твоего “ничего” хотя бы половину?

Помедлив секунду, я высунула заплаканное лицо из-под одеяла. В палате было темно, но моим глазам хватало света, проникающего сюда из-за приоткрытой входной двери и с улицы, густо освещённой фонарями, чтобы рассмотреть мельчайшие подробности красивого и обеспокоенного лица Робина. Он присел передо мной на корточки, и мне было достаточно всего лишь протянуть вперёд руку, чтобы дотронуться его белоснежной кожи, всегда казавшейся мне холодной, словно утренний иней или мрамор...

– У меня болезненная менструация после операции... – глухо произнесла я, продолжая неподвижно лежать в позе эмбриона.

– Поэтому ты плачешь? – бархатным тоном, ни на миг не раздражающим мой чувствительный в этот момент слух, спросил он, явно осознавая, что причина моих слёз в другом.

Прежде, чем дать ответ, я попыталась хотя бы постараться обуздать свои слёзы.

– Я была беременна... От Дариана... Срок был совсем маленьким... После случившегося ребёнок не выжил... Произошёл выкидыш и теперь... Я больше никогда не смогу родить... – мой голос, всё это время предательски дрожащий,

задрожал ещё более беспощадно. – Никогда... – слёзы градом хлынули из моих глаз.

Я ещё никогда не проговаривала вслух факты последствий, произошедших со мной после этой злосчастной аварии, и теперь, проговорив это, я вдруг ощутила невероятную, пульсирующую боль в районе пустоты – там когда-то давным-давно находилось моё сердце.

– Ох, Таша, – Робин вдруг начал гладить меня по голове, пока я вытирала лицо промокшим одеялом. – Что он сказал?

– Кто? – непонимающе спросила я, хлюпая носом.

– Дариан. Узнав об этом, что он тебе сказал?

– Ничего, – поморщилась от душевной боли я. – Он ничего мне не сказал, – я уже не плакала, я начинала рыдать.

– Ох, Таша... – повторился Роб.

Ещё несколько секунд он гладил меня по голове, как вдруг поднялся и неожиданно забрался на мою койку. Я позволила ему взять себя под руку и, как только прислонилась к его груди и ощутила щекой тепло, спрятанное под его рубашкой, мне вдруг стало легче. Во всяком случае я перестала рыдать: слёзы, не приправленные ни граммом эмоций, просто продолжали катиться из моих глаз.

Он гладил меня по голове всю ночь и, в итоге, уже к концу первого получаса я успокоилась, и вскоре смогла заснуть. Утром, около шести часов, я проснулась с целью посетить туалет. Когда я вернулась, Робин уже стоял у моей койки со стаканом воды и большой розовой таблеткой в руках. Всё проглотив, я повторно заснула, а когда проснулась, так и не смогла вспомнить, был ли Робин рядом, когда я засыпала, или ушёл прежде, чем я погрузилась в сон.

Доктор Аддерли пришёл в гости, хотя работал в другом отделении. Это было слишком любезно с его стороны, так что я изо всех сил улыбалась ему сквозь

режущую боль внизу живота, лишь бы он только не подумал, что я не оценила того, что он, не смотря на все мои препинания с ним на протяжении всей коммы Хьюи, всё же примчался ко мне, как только узнал о моей беде. Это было действительно трогательно, особенно на фоне его серьёзного тона и не менее серьёзного выражения лица. Зря, наверное, я спросила у него, как поживает его семья, так как едва ли я хотела узнать о том, что его жена недавно родила ему дочь. В очередной раз почувствовав странный укол под рёбрами, я осознала, что теперь так будет всегда. Не важно, родит ли моя любимая сестра или неизвестная мне женщина с соседнего двора, главное, что это буду не я.

Осознав, что моё и без того жалкое существование теперь ещё и обременено неосознанным, и совершенно неконтролируемым чувством белой зависти, я, как только доктор Аддерли ушёл, в который раз сжалась под одеялом в сморщенный комок боли.

Шёл второй день моей болезненной менструации, ежесекундно напоминающий мне о моей внезапно приобретённой ущербности. Оставалось подождать ещё чуть-чуть, и станет легче. Определённо станет. Так вновь наступившей ночью говорил мне Робин, четыре часа просидевший у моей койки, до тех пор, пока я, проснувшись в половину четвёртого от зова мочевого пузыря, не отправила его спать.

Я верила Робину, хотя и не была уверена в том, что он это осознавал. И если он говорил мне, что скоро мне станет легче – я ни на секунду не подвергала сомнению это его заключение. Значит, действительно станет. Значит, действительно скоро. Иначе не может и быть. Ведь так говорил мне Робин.

Глава 11.

Менструация закончилась спустя трое суток, а вместе с ней прекратились и боли. Все три ночи Роб приходил ко мне и проводил со мной несколько часов, пока я не начинала его прогонять, но лишь потому, что желала, чтобы он выспался, а не потому, что действительно желала, чтобы он ушёл. Он по прежнему приходил по ночам, не желая сталкиваться с моими родственниками, и я, сама того не понимая, с какого-то момента начала ожидать скорейшего наступления ночи. Сегодня, после трёх ночей безвылазно проведённых в

постели, я планировала уговорить Робина на маленькую диверсию и прогуляться с ним не на нашем этаже, а этажом ниже, поэтому сегодня я особенно сильно ожидала его прихода.

Часы показывали десять часов – слишком рано для Робина, но, услышав звук открывающейся двери, я почему-то ни на секунду не усомнилась в том, что это пришёл именно он. Прежде, чем он успел войти в палату, минув короткий коридорчик, я, улыбаясь, оторвала взгляд от новостной колонки Лондонского журнала моды:

– Ты как раз вовремя... – заулыбалась я, но вдруг, подняв взгляд, осознала свою ошибку.

Это был не Робин. Это был Дариан. Моя улыбка моментально рассыпалась в прах.

– Кого-то ожидаешь? – невозмутимо поинтересовался он, продолжая приближаться к моей койке. В руках у него был бумажный белый пакет, из которого торчали свежие фрукты, на него я и перебросила свой взгляд, чтобы не смотреть на нежданного гостя. – Явно не меня. Насколько я помню, я всегда появлялся на твоём горизонте в самый неподходящий момент... Так кого ты ждёшь? – поставив пакет на тумбочку, Дариан сел на стул справа от койки и невозмутимо посмотрел мне прямо в лицо.

– Чем был занят? – сдвинув брови, я перевела взгляд на свои сцепленные пальцы рук.

– Да так... Были дела...

Это было неожиданно, но Дариан явно не хотел отвечать на мой вопрос не меньше, чем я на его. Именно поэтому моё внимание на этом, казалось бы незначительном, вопросе и зациклилось. Так чем же он был занят?..

Дариан достаточно быстро вернул меня в реальность.

– Как себя чувствуешь? – продолжил совершенно невозмутимым тоном он, но я вдруг поняла, что совершенно не представляю, как поддерживать с ним разговор.

– Нормально, – скупой выдавила я, машинально отведя взгляд в сторону.

На несколько секунд я задумалась над тем, что бы я могла ему ещё сказать, но достаточно быстро поняла, что на самом деле мне больше нечего добавить.

– Говорят, у тебя была болезненная менструация, – немного помолчав, вдруг решил продолжать Дариан.

Точно, он ведь не знал об этом... Ему об этом рассказали. Так где он был, когда меня разрывало от боли? Где была я или, например, Робин, я знала, но где был он?.. Я сжала зубы крепче.

– Ничего сверхъестественного, – с трудом пересилив себя, наконец выдавила я.

Наступила тишина.

Мы промолчали пару минут, и всё это время, пока я смотрела в одну точку своих скрещённых пальцев рук, Дариан внимательно рассматривал моё сосредоточенное лицо. Я готова была промолчать так целый час, если бы это помогло мне выпроводить его, но, по всей видимости, к этому не был готов Дариан.

– Таша, нам многое необходимо обсудить, но не думаю, что это должно произойти в стенах этого заведения. У нас всё обязательно наладится, нам просто необходимо время.

Странно, но я ему не верила. Раньше, возможно, верила, но сейчас... С какой стати я вдруг могла бы ему поверить? Он не был Робинем. А тот, кем он был, всегда ставил свои желания и волю выше моих.

Я резко повернула голову и взглянула Риордану в глаза, чтобы сказать ему что-то подобное, но моё сердце внезапно кольнуло и слова загнулись на стадии их формирования. Огромные сине-голубые глаза, так часто смотревшие на меня с неприкрытым желанием, злостью, вызовом, огнём, сейчас топили меня своей нежностью, в которой я не нуждалась, если только не хотела утонуть захлебнувшись собственными слезами.

– Уходи, – резко отвернувшись, неожиданно осипшим от боли голосом произнесла я, вновь уставившись на свои сцеплённые пальцы.

– Почему ты меня постоянно прогоняешь? – откинувшись на спинку стула, тяжело вздохнул он.

– Потому что ты постоянно делаешь мне больно, – я всё ещё находила в себе силы, чтобы говорить достаточно ровно, хотя и делала это приглушённо.

– Как будто ты всё это время не делала больно мне, – спокойно отвечал Дариан. – Тебя вообще возможно сделать счастливой, перед этим не сделав тебе больно? Расскажи мне как, и я это сделаю.

– Не нужно пытаться сделать меня счастливой, если не знаешь как, – я сглотнула комок боли.

– Ах ты... – Дариан вспыхнул в резко возникшем в нём порыве злости, но именно в этот момент входная дверь скрипнула, что не позволило Дариану продолжить откровенничать со мной в своих эмоциях.

На сей раз это был Робин. Он вошёл в палату непринуждённым шагом, сжимая в руке свёрнутую в трубочку газету. Встретившись взглядом с Дарианом, рука которого лежала в сантиметре от моего бедра, он перевёл взгляд на меня и, совершенно спокойным тоном произнёс:

– Что ж, пожалуй я зайду позже.

Таким же непринуждённым шагом, каким и вошёл, Роб вышел из палаты, оставив за собой шлейф душащей тишины.

– Парень, который вытащил тебя из машины? – спустя несколько секунд, бесцветным тоном поинтересовался Дариан, что могло означать, что он недоволен тем фактом, что меня посещает некто, с кем он не знаком. Старанно, но он, словно так же, как и я, не узнавал в яркой внешности этого “парня” звезду английского футбола. Я не нашлась, что ответить, поэтому просто продолжила молчать. – И часто он к тебе заходит? – на последнее слово в своём вопросе Дариан сделал слишком заметное ударение.

Я хотела ему ответить, что Робин навещает меня куда чаще, чем он, но побоявшись того, что мои слова побудят Дариана посещать меня чаще, скуповыдавила:

– Впервые, – солгала я, и Дариан это сразу же заметил, поэтому я мгновенно приняла защитную стойку. – Я больше не собираюсь перед тобой отчитываться. Пусть этим занимается медицинский персонал или просто прохожие, не имеющие ко мне никакого отношения, – я специально сделала акцент на последних, пытаюсь ввести Дариана в заблуждение относительно Робина. Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы эти двое столкнулись в диалоге. – Это был долгий день. Я устала и хочу спать, – коротко подытожила я.

Ещё несколько секунд испепеляя меня взглядом, Дариан наконец поднялся и, настолько неожиданно и крепко поцеловал меня в макушку, что я не успела хоть как-то на это отреагировать. Он вышел из палаты шагом, красноречиво говорящим о его недовольстве и о том, что он обязательно вернётся за реваншем. Но не сегодня. На сегодня я была свободна. Поэтому, подождав ещё пару минут, я выскользнула из-под одеяла и, прихрамываящим шагом, направилась в палату Робина. Он меня ждал.

Робин ни слова не спросил у меня о Дариане. Вместо этого он предложил мне чашечку настоящего чая, а не того, что мы иногда выпивали из аппарата горячих напитков. Выпив целых три чашки, я словно наполнила свои вены свежим кислородом и даже слегка приободрилась, но ненадолго.

– Ты читала утреннюю колонку Лондонского обозревателя? – с любопытством посмотрел на меня Роб, и я машинально бросила взгляд на газету, лежащую на журнальном столе в виде свернутой трубочки. Именно с этой газетой Робин сегодня пришёл ко мне и застал меня в обществе Дариана, я была в этом уверена.

– Случилось что-то важное? – без единой беспокойной мысли предположила я.

– Возможно только для некоторых... В частности, для тебя, – Робин протянул мне газету.

Фотография Стивена Эртона на весь разворот страницы ввела меня в оцепенение, поэтому я не сразу прочла крупный заголовок статьи: “Разорившийся акционер компании *** Стивен У. Эртон найден застреленным неподалёку от аэропорта Рио-де-Жанейро”. Всё, что я поняла из длинной, тяжеловесной статьи, никак не желающей проникать в мой распалённый мозг, это то, что предполагаемая версия смерти С. У. Эртона: расправа. Вот только речь шла о расправе со стороны наркодилеров, с которыми Эртон, предположительно, был как-то связан. Версия шитая белыми нитками. Это можно было заметить даже невооруженным взглядом, не то что моим, замыленным на фоне происходящего сейчас в моей жизни хаоса.

– Дариан ничего тебе об этом не говорил? – вдруг поинтересовался Робин, когда я положила газету себе на колени.

До сих пор я не понимала, что всё это время Роб пристально наблюдал за моей реакцией. Значит, Робин был в курсе Эртона. Откуда?.. Не важно... Это могло всплыть где угодно и когда угодно: так же, как он узнал и о моём имени.

Правда заключалась в том, что Дариан ничего не сказал мне о летальном исходе Эртона в этой истории. Ни единого словечка или хотя бы намёка. Тишина.

Не в силах сказать об этом Робину, я, сглотнув комок из боли и напряжения, лишь отрицательно покачала головой...

Вместо того, чтобы быть со мной рядом, Дариан выбрал мечь. Причём жестокою...

Что ж, он отомстил, и теперь я не сомневалась в том, на что он способен. Как и в том, что он выбрал не меня... В его списке срочных дел нашлось нечто более важное, чем моя жизнь, и этим “чем-то” оказалась смерть Стивена Эртона.

К глазам начали подступать слёзы, и я в очередной раз сглотнула комок, вставший поперёк моего судорожно сжимающегося горла. Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя, и Роб, всё это время внимательно наблюдавший за мной, любезно предоставил мне это время.

Наконец, окончательно придя в себя, я отложила противную мне газету на стол и приняла предложение Робина прогуляться по коридору. В момент, когда мы

поднялись, чтобы покинуть палату, он пронизательно посмотрел на меня сверху вниз и вдруг произнёс:

– Мне сегодня сказали, что я с “феноменальной скоростью” иду на поправку. Возможно, меня скоро выпишут.

То ли я всё ещё не отошла от новостей о судьбе Стивена Эртона, то ли я всё ещё была слишком зациклена на мыслях о Дариане, а может быть дело было совсем и не в этом, только, услышав новость о скорой выписке друга, я почему-то совсем не обрадовалась. Мало того, ещё чуть-чуть, и я бы даже, наверное, огорчилась, но вдруг передумала.

– Что ж, я рада за тебя, – улыбнулась я максимально неискренней улыбкой, чего совершенно не осознала. – Прогуляемся сегодня подольше, а-то вдруг завтра уже не увидимся?

Что за день-то сегодня такой?!..

Робин согласился прогуляться подольше, но я вдруг словила себя на мысли о том, что на самом деле единственное, чего я хочу – это лечь в постель. Поэтому не прошло и часа нашей “прогулки”, как я отпросилась у него спать. В итоге эта наша встреча получилась самой короткой на протяжении всего нашего знакомства.

Робин шёл на поправку, и я с этим ничего не могла поделать, и даже если бы могла, точно не пожелала бы ему вреда, лишь бы только он каждую ночь приходил гулять со мной по сумрачным коридорам больницы.

Жизнь вокруг меня продолжалась, и она, определённо, когда-нибудь продолжится и у меня. Жду не дождусь...

Хотя это и есть самая откровенная ложь всей моей жизни. Ничего я на самом деле не жду.

Глава 12.

В июне неизменно ровно тридцать дней: ни днём меньше, ни днём больше. Тридцатое число – последний день первого месяца лета. И всё равно я напрочь забыла о встрече, назначенной мной немногим больше четырёх месяцев назад. Поэтому, когда Миша вошла в мою палату, я сначала испугалась, на мгновение решив, будто у меня начались галлюцинации, и я начала сама себе мерещиться. Впрочем, Миша, не смотря на внешне заметные изменения в положительную сторону, всё ещё выглядела похуже меня, так что я быстро осознала, что ко мне явилась вовсе не миссис Паранойя, жена Маразма, а моя сестра.

– Хреново выглядишь, – криво ухмыльнулась она.

– Обычно эти слова говорила тебе я, – улыбнулась в ответ я, и мы вдруг совершенно неожиданно, словно по какому-то наитию, и совершенно непринуждённо, словно проделывали это при каждой нашей встрече, обнялись.

Наконец отстранившись, Миша обошла мою койку, поставила пакет с угощениями рядом с тумбочкой и, сев на стул, посмотрела на меня.

– Принесла фрукты? – решила для начала уточнить я.

– Фрукты тебе будет носить Пандора или Пени. Я принесла тебе шоколад.

– Шоколад? – я едва ли не впервые за долгое время своего общения с кем-то из родственников улыбнулась так искренне. – Это и вправду что-то новенькое. Мне только фрукты и приносят.

– Бельгийский, – заигрывающе задвигала бровями Миша, достав из пакета золотистую коробочку трюфелей.

– Жаль, что я к тебе не была так добра...

– Замолчи, – резко оборвала меня Миша, после чего неожиданно положила мне руку на голову. – Ты малявка. Если ты и позволила себе забыть о том, что ты младшая, так я вернулась, чтобы напомнить тебе о твоём месте.

– Ты старше меня всего на две минуты, – стряхнула её руку со своей головы я.

– И всё же этих двух минут мне хватило, чтобы стать старшей, – удовлетворённо ухмыльнулась Миша, после чего отстранившись на спинку стула, и её улыбка вдруг начала таять. – Таша, я чиста... Полностью. Впервые за последние девять лет.

Я помолчала несколько секунд, после чего попыталась максимально аккуратно спросить:

– Мы ведь избежим рецидива?

– Избежим, – слишком самоуверенно ответила Миша, на что я не смогла не обратить её внимание.

– Ты так в этом уверена?

– У меня есть гарантия...

– Гарантия? – мои брови удивлённо поползли вверх.

– Об этом я расскажу тебе позже, – Миша сдвинула брови, точь-в-точь как иногда это делала я, после чего посмотрела на меня моим же внимательным взглядом. – Ты когда-нибудь слышала о Паскале Фримане, учёном-астрономе, благодаря трудам которого недавно в Австралии создали сверхмощную базу для изучения космического пространства? Недавно сороколетие отметил, но, боюсь, в одиночестве, так как всю свою жизнь посвятил науке, случайно или специально забыв обзавестись семьёй.

– Слышала о нём, но только однажды, так что ничего не могу тебе о нём сказать, – спокойно пожала плечами я.

– А помнишь Трумана Торнтонна?

– Торнтонны жили на соседней улице, – сдвинула брови я, не понимая, к чему сестра ведёт весь этот странный разговор. – Труман был средним из трёх сыновей? Все голубоглазые, смазливые блондины, копии своего отца. Если не ошибаюсь, Труман был старше Джереми на два года... Если честно, ничего о Торнтоннах не знаю, мы ведь даже толком не общались. Да и они пару лет назад

продали свой дом и перебрались куда-то в Юго-Западную Англию, если я не ошибаюсь. С тех пор я о них ничего не слышала.

- Что ж, я тоже...

- И как же Паскаль Фриман и Труман Торнтон связаны между собой? - я заинтересованно посмотрела на сосредоточенное лицо сестры.

- Первый - отец Жасмин, второй - Мии, - невозмутимо произнесла Миша.

От услышанного я растерялась. Лишь спустя секунд тридцать взяв себя в руки, я вспомнила, что должна что-то ответить, поэтому произнесла первое, что пришло мне в голову:

- Все убеждены в том, что ты не знаешь, кто отцы твоих детей, но я всегда подозревала, что ты попросту скрываешь эту информацию.

- На самом деле я знаю наверняка. Фриману было тридцать три, для него я была ещё девчонкой, но он не смог устоять перед моей красотой, тебе ли не знать её силу, - красноречиво посмотрела на меня сестра. - Это произошло между нами всего лишь трижды, после чего он вынужден был уехать в Австралию, чтобы руководить постройкой той самой космической базы, которую он успешно открыл полгода назад. На момент зачатия Жасмин у меня больше не было других половых партнёров, так что с вопросом её биологического отца у меня не возникло сомнений. С Торнтоном же всё оказалось ещё проще. Мы это сделали всего один раз и без предохранения. Конечно, до рождения Мии у меня ещё могли быть сомнения. Вдруг это не Труман Торнтон, а Шедоу Джеймс или Роувер Барджман, у которых могли порваться презервативы, но после рождения девочки у меня не осталось сомнений. Голубоглазая блондинка не могла родиться ни от темнокожего Джеймса, ни от черноглазого брюнета Барджмана. Только от голубоглазого блондина Торнтон.

- Логично, - продолжала хмурить лоб я. - Теперь понятно, почему IQ Жас шкалит, и почему Мия такая миленькая на мордашку. Но почему ты вдруг решила мне об этом рассказать?

Прежде чем ответить, Миша немного подождала.

– Я кипела в чане боли, – начала она. – Ты даже не представляешь, через что я прошла. Моя рука дрогнула раньше, чем это сделала твоя, но ты этого, слушая мою скрипку, до сих пор не слышишь. Я никогда для тебя не фальшивила. По крайней мере в игре. Но не потому, что это правда, а потому, что это правда только для тебя. Таша, ты не могла мне помочь. Я этого не хотела. Как сейчас не хочешь ты, чтобы тебе помогла я или кто-либо другой. Я просто хочу тебе кое-что напомнить. Обещание, которое я дала тебе о том, что больше так не будет. Что бы ни случилось, я пообещала, что каждый день буду сильнее тебя и ты меня не победишь. Помнишь, что ты мне на это ответила?

– Вызов принят, – коротко и твёрдо отчеканила я.

– Что ж, я напоминаю тебе, что ты приняла вызов. Теперь ты просто не можешь позволить мне выиграть, а я не могу позволить себе проиграть. Играем.

– Играем, – уверенно посмотрела в огромные зелёные глаза старшей сестры я.

Глава 13.

Миша.

Неидеальный, зато только мой, супергерой.

В мой второй день пребывания в реабилитационном центре я в одном купальнике сидела на шезлонге напротив бассейна и жмурилась от солнечных зайчиков, отражающихся от воды и бегających по моему лицу. Мы находились в крытом помещении, и всё равно день был слишком солнечным и тёплым, чтобы вспоминать о том, что до лета ещё далеко.

Тогда я впервые его заметила. Он сидел всего в каких-то паре метров от меня на таком же шезлонге. Поняв, что он наблюдает за мной, уже спустя полчаса я не выдержала и, постаравшись максимально невозмутимо подняться, покинула пределы искусственного пляжа.

В этом месте все были странными и измученными одновременно, но этот персонаж показался мне более странным, нежели измученным.

Вечером следующего дня мы вновь повстречались, на сей раз у барной стойки. Он исполнял роль бармена, хотя им не был. Я уже хотела пройти мимо, но он заметил меня.

– Сегодня у нас большой и неизменный ассортимент безалкогольных коктейлей, – произнёс он, продолжая спокойно протирать стеклянные бокалы белоснежным полотенцем. – Советую “Шмель” или “Сейдж романс”, только если ты не предпочитаешь милкшейки. Тогда лучше взять “Алые паруса” в кувшине.

– Выбираю “Шмель”, – уже садясь за барную стойку, ответила я.

– Брэм Гир, – представился мужчина с недельной щетиной, протянув мне руку, которую я спокойно пожала. – Тридцать лет, алкоголизм.

– Миша Палмер. Двадцать четыре года, алкоголизм, токсикомания, наркомания, банальное курение.

– И как ты только дожила до двадцати четырёх?

– Сама удивляюсь. А ты как докарабкался до третьего десятка?

– Если я и мог сдохнуть, то только от трудоголизма.

– А как же алкоголь?

– Думаю, полтора года запоя едва ли могут убить взрослого мужика.

– Полтора года... У меня стаж побольше, – поморщилась я, вдруг осознав, что мне здесь придётся куда тяжелее, чем моему новому знакомому.

Явно не обделённый внешними данными, голубоглазый с карамельными волосами средней длины, он мог быть алкоголиком лишь непродолжительное время, но не более того. Слишком крепкий физически и, судя по взгляду,

достаточно волевой, он просто не мог оставаться рабом хотя бы одной вредной привычки. Очевидно, что в его жизни, как и в моей, что-то когда-то сломалось, вот только его путь к принятию своей “сломанности” и её лечению оказался короче, чем мой. Повезло.

С этого вечера мы стали общаться. Долго, упорно, каждый день. Брэм попал сюда на две недели раньше меня, и тот факт, что за две недели он не почувствовал особого облегчения, меня не воодушевлял, но не долго. Вскоре я поняла, что банального воодушевления, даже если бы оно исходило со стороны, мне будет недостаточно.

Во второй половине марта я отказалась от встреч с родными. У меня началась настолько тяжёлая, невообразимо болезненная ломка, что кроме своего лечащего врача и Брэма Гира я больше не могла выносить чьё-либо общество.

...Накануне меня трижды стошнило и я перенесла вновь резко поднявшуюся, и сбитую медикаментами температуру. Сил на прогулку в первый день апреля, солнечный и тёплый, отчего болеть было ещё обиднее, у меня попросту не осталось. Всё утро я провалялась в постели в позе эмбриона, в обед так и не смогла затолкать в себя больше пяти ложек куриного бульона, которые к вечеру я успешно извергла из себя вместе с медикаментами, которые мой организм отвергал, словно опасную заразу. Ощущение, будто я умираю, стало ещё более явным, когда я услышала, как одна из медсестёр сообщила моему лечащему доктору о том, что мой организм стоит на грани истощения, и они ничего не могут с этим поделать. Моя воля была достаточно сильна, чтобы я могла бороться со своей ломкой, но я начала умирать не от ломки, а от голодовки, которую объявил мне мой организм в ответ на моё нежелание поставлять ему наркотические вещества. Это было ужасно.

Ночью ко мне пришёл Брэм. Он предложил мне прогуляться и, не смотря на то, что у меня, казалось, не осталось сил даже на ходьбу, я согласилась.

Было начало одиннадцатого, пациенты, поголовно страдающие от различных степеней ломки, мучались в своих отдельных апартаментах, и только пара человек из медицинского персонала делала вид, будто не присматривает за нашим с Брэмом передвижением. Этакое подобие богатого санатория, а медсёстры здесь – вожатые.

Мы остановились напротив светящегося бассейна, у барной стойки, у которой произошёл наш первый диалог. Придерживая меня за руку, Брэм помог мне забраться на барный стул, а сам занял место бармена.

– Итак, – с напускной веселостью начал он, и я почему-то сразу вспомнила о том, что у меня не вымыта голова. – Сегодня у нас особое меню, – с этими словами он поставил передо мной огромную тарелку, завернутую в блестящую фольгу.

– Что это? – повела бровью я.

– Самое жирное, что я только сумел придумать, – ответил Брэм, сняв фольгу с тарелки и начав меня консультировать. – Стейк из баранины, картофель фри, салат заправленный оливковым маслом, панированные куриные ножки, три вида соуса, а на десерт я тебе предложу ванильно-клубничное мороженое с шоколадной крошкой и кленовым сиропом. Как тебе? Оцени, – Брэм заглянул в меня своими светло-голубыми глазами.

– Вау, – только и смогла вяло выдать я. – Это невозможно не оценить...

– Давай, детка, ты должна это съесть. Можно не всё, но обязательно всего по чуть-чуть. И тебя не должно стошнить. Поняла?

В ответ я уныло кивнула головой, после чего взяла с тарелки одну соломинку картофеля.

– Ты, случайно, не младшая в семье? – наблюдая за тем, как я медленно таскаю из тарелки по одной соломинке картофеля, вдруг спросил Брэм.

– Нет, – криво ухмыльнулась я, – я предпоследняя. Младшая, Таша, оказалась более волевой, чем я.

– Миша и Таша? – ухмыльнулся Брэм, словно не заметив моего разочарования в своей воли. – Прямо идеальные имена, как для близнецов.

– Мы тройняшки, – довольно улыбнулась я, заранее предугадав реакцию собеседника на данную информацию. – Старший брат Хьюи, я и Таша.

– Ничего себе! Значит, ты средняя.

– Нет, я ведь сказала, что я предпоследняя, – продолжала улыбаться я, не замечая, как в процессе разговора начинаю активно орудовать вилкой. – Помимо тройняшек у моих родителей было ещё трое старших детей.

– Тоже тройняшки? – с сарказмом ухмыльнулся Брэм.

– Нет, там всё обошлось без дубликатов, – с иронией отозвалась я. – Мальчик, девочка, ещё один мальчик и потом – бац! – мы, тройня.

– Хах! – задорно усмехнулся Брэм, а я потащила в рот первый кусок мяса. – И что же с тобой произошло? Расскажешь?

Я замерла, перестав жевать. Сначала я сверлила взглядом свою тарелку, затем резко взглянула на собеседника и начала сверлить взглядом его.

– У тебя просто невероятные глаза, – неожиданно произнёс он каким-то приглушённым, вибрирующим, утробным тоном, от которого по моему телу сразу же побежали мурашки. – Я таких ещё не видел... Большие, зелёные... Они бездонны.

– Боюсь, тебе не понравится моё прошлое, – проглотила плохо пережёванный кусок мяса я. – В нём много... – я запнулась, не в силах продолжать.

– Много боли, повлекшей за собой много грязи, – неожиданно и совершенно понимающим тоном продолжил он. – Выпивка, наркотики, беспорядочный секс... Секс за деньги, выпивку или наркотики. Всех мужчин и не вспомнишь, а то, что до сих пор помнится, жаждешь забыть больше, чем жить, поэтому ты снова и снова пытаешься отравить себя всевозможной дрянью, снова и снова чувствуешь на своём теле ненавистные чужие руки. Это твой личный замкнутый круг, из которого ты сейчас пытаешься вырваться... – Брэм замолчал, заметив, как я отложила столовые приборы. – Эй, – он аккуратно положил свою руку поверх моего сжатого кулака. – На сей раз у тебя получится, слышишь? Ты больше никогда не вернёшься туда. Этот круг уже разрывается. Его больше нет. Ты вне его. Тебе больше не придётся чувствовать на своей коже чужие прикосновения, – он вдруг погладил мою руку.

Я взглянула на него резким, пронзительным взглядом, бросающим вызов сквозь боль:

– Их было слишком много.

– Я знаю...

– Это грязь, от которой не отмыться. Большую часть я даже толком не помню.

– Тем лучше. Нам всего-лишь придётся забыть остальное.

– Нам?.. – я запнулась. – Такое не забывается.

– Забудется. То, что было, оно совсем не важно. Ведь есть сейчас. И будущее... Там всё будет по-другому. Можно начать всё с нуля, с чистого листа, никто даже не узнает... – Брэм настойчиво продолжал держать меня за руку. – Не нужно исправлять ошибки прошлого – их просто нужно отпустить. Всё ещё может быть хорошо. Всё может быть просто замечательно. По крайней мере, мне хочется в это верить... А тебе?.. Тебе хочется?..

Он пытался заглянуть мне в глаза, но прежде чем в очередной раз пронзить его пронзительным взглядом, я несколько секунд сосредоточенно смотрела на его руку, покрывающую мою.

– Хочется, – наконец уверенно ответила я, посмотрев собеседнику прямо в глаза.

– Значит, у нас это будет, – не менее уверенно произнёс Брэм.

На следующий вечер мы вновь встретились у барной стойки. На сей раз я пришла самостоятельно.

– Что у нас сегодня? – попыталась улыбнуться сквозь боль я.

– Свиные отбивные, тушёный картофель с капустой, салат из фасоли и, на десерт, творожный пирог. – А вот Брэм улыбался искренне и, встретившись со

мной взглядом, заулыбался ещё шире. – Сама пришла. Думал, что снова придётся тащиться за тобой.

– Как ты? – поморщилась я, увидев внушительные синяки от уколов на его предплечье.

– Гораздо лучше, – воодушевляюще ответил он. – А ты?

– Ну, меня вчера не стошнило от плотного ужина, а это уже кое-что.

– Что ты сегодня ела?

– Утром съела йогурт, в обед давилась рисовой кашей...

– Ясно, – нахмурил брови Брэм. – Ничего ты не ела. Сегодня съешь у меня всё.

– Постараюсь... – поджала губы я, начав ковыряться вилкой в картофеле.

Помолчав несколько секунд, Брэм решил начать новую тему:

– О чём сегодня поговорим? – спросил он, пригубив один из своих фирменных безалкогольных коктейлей.

– Ну, я подумала, раз ты не просто имеешь представление о моём прошлом, но даже можешь себе чётко представить все его ужасы и грязные закоулки, может быть мне стоит узнать хоть что-то о тебе? Можем начать с того, что ты уже кое-что знаешь о моей семье, так что можешь рассказать мне о своей.

– Что ж, думаю, что тебе стоит узнать не столько о моей стандартной семье, как о моём не более чистом прошлом, чем твоё, чтобы ты отныне и впредь не считала меня святошей, и чтобы знала, что мы друг друга стоим. Но, пожалуй, начать и вправду можно с семьи. Она у меня небольшая, – с этими словами Брэм обошёл барную стойку и сел слева от меня, настолько близко, что иногда я могла чувствовать его дыхание на своём лице. – Дедушек и бабушек я не знал, а так как мои родители были единственными детьми в своих семьях, ни ближних, ни дальних родственников вроде троюродных кузенов и тётушек я тоже не имею. В нашей семье было четверо детей, я был четвёртым. Старший брат

Барвик на пятнадцать лет старше меня, затем Вайолет, она была младше брата на три года, затем Мэгги, родившаяся за два года до меня и, собственно, я. Мэгги умерла в пятилетнем возрасте, но мои родители стойко пережили это несчастье. Затем, когда мне было шестнадцать, умерла мать, ещё через пять лет от повторного сердечного приступа скончался отец, а ещё через четыре года, в возрасте тридцати четырёх лет, умерла и Вайолет. Сестра была журналистом в так называемых “горячих точках”, ей было не до семьи, так что, словив пулю во время очередного обстрела далеко в Азии, после себя она оставила нам с братом только светлую память о стойкой женщине и никаких племянников. Так мы и остались вдвоём: я и Барвик. Точнее, не совсем вдвоём. У Барвика счастливый брак. Жена, на год младше него, и три дочери, двадцати пяти, двадцати трёх и девятнадцати лет. Более того, в свои сорок пять он уже успел стать дедушкой... Да-а-а, – весело закивал головой Брэм, – молодой дед. Его старшая дочь, моя племянка, родила погодок, так что он дважды дед, – довольно ухмылялся Брэм, показывая мне два пальца. – Не всем так везёт. По крайней мере, мне не повезло... Хотя, может быть, всё дело не в везении, а в изначальном отношении к столь серьёзным вещам, – он нахмурил лоб, что дало мне понять, что сейчас начнётся менее красочная часть повествования. – Мы с братом создали весьма успешную компанию. В свои двадцать пять я уже считался самым успешным бизнесменом в Кардиффе. Знаю, не то чтобы большое достижение, всё-таки Кардифф, не Лондон, и, тем более, не целая Британия, но всё же благодаря хватке Барвика и моей вертлявости мы в буквальном смысле завалились деньгами. Барвик переехал из квартиры в просторный дом, построил каждой из дочерей по коттеджу, обзавёлся дачным домиком с превосходным участком, стал путешествовать, в общем, пустил деньги в семью, а я... – Брэм тяжело вздохнул. – Сейчас ты подумаешь, что я стал тратить деньги на наркотики и проституток, но это не так, – как-то печально и, возможно, даже неловко улыбнулся он. – Моя семья никогда не купалась в богатстве, так что вскоре выяснилось, что у меня плохо с фантазией и я не имею понятия, куда девать такое количество денег, кроме как на дорогую тачку или пару-тройку стоящих костюмов. В общем, пока мой разумный брат тратился на семью, я продолжал безвылазно работать и развивать наш бизнес, откладывая все заработанные мной деньги в банковскую ячейку “до востребования”. Я всю молодость положил на наше дело. Ты не поверишь, но за всю мою жизнь у меня ни разу не было серьёзных отношений – у меня попросту не оставалось времени на что-то подобное. Но однажды мне показалось, что работу всё-таки можно совмещать с наличием сексуального партнёра. Просто необходимо, чтобы этот “партнёр” всегда был под рукой, как записная книжка или, допустим, банальная ручка.

– Ты вступил в отношения с секретаршей? – приподняла бровь я, предвидя банальную развязку.

– Именно, – поджав губы, щёлкнул пальцами Брэм. – Пусть без наличия груди и сексуальной задницы, зато блондинка, умеет ярко краситься, а силиконовые губы неплохо возмещают отсутствие всего остального. Она была достаточно сексапильной и сговорчивой, чтобы запрыгнуть ко мне на стол уже к окончанию второй недели своей работы в моём офисе. Меня это более чем устраивало. По факту: я начал встречаться с “пикантной”, если так можно выразиться, женщиной, которую не любил, и только для того, чтобы рядом была “хоть какая-нибудь” “кукла”. Во-первых, я мог в любой момент заняться с ней сексом в своём кабинете, во-вторых, я мог взять её на деловую вечеринку. Большинство наших деловых партнёров женатые люди, так что им нравится, когда они видят, что ты тоже обременён ношей брака или хотя бы какими-нибудь отношениями. Это может означать, что ты ответственный кошелёк, а не расточитель бюджета. В бизнесе, знаешь ли, приобретаешь новый вес, когда рядом с тобой пятый размер груди или просто умеющая носить пуш-ап блондиночка. Бред.

– Бред, – согласно подтвердила я.

Брэм ещё немного помолчал, словно пытаюсь что-то вспомнить, и потом продолжил немногим более приглушённым тоном, чем прежде:

– В общем, сначала она меня, возможно, и любила, но потом, поняв моё прямолинейное отношение к ней, начала заметно остывать, что лично меня вообще не волновало. Я уже думал, как с ней расстаться, когда она сообщила мне о своей беременности и решительной готовности сделать аборт. Это я настоял на рождении ребёнка. Я буквально её уговорил, хотя ни я сам, ни она не были готовы к подобному. Спустя пару дней она переехала ко мне... – с каждым новым предложением Брэму заметно становилось всё сложнее говорить. – Мы перестали ссориться, как это регулярно случалось прежде, но я остался холоден к ней и ничего не мог поделать со своей нелюбовью. На двадцатой неделе беременности, когда её живот уже был достаточно округлившимся, она не выдержала. В самое обыкновенное утро понедельника, сразу после завтрака, она сказала, что отправится к своему врачу, чтобы при помощи УЗИ узнать пол ребёнка. Мне было откровенно всё равно, кто родится – мальчик или девочка – поэтому я даже не задумывался над тем, чтобы преждевременно выяснить эту подробность. И всё же я предложил её подвезти до медицинского центра, при этом не преминув заметить, что мне не хотелось бы отменять деловую встречу

ради того, чтобы всего лишь узнать пол будущего ребёнка, на что она ответила, что справится сама. Тем утром она и вправду отправилась в медицинский центр, но не для того, чтобы узнать пол ребенка, а для того, чтобы избавиться от него. Вечером мне сообщили о её смерти... – Брэм напряжённо заморгал, будто перед его глазами всплыли картины того вечера. – Она решилась на прерывание беременности на экстремально позднем сроке, после чего, из-за сильного кровотечения и несвоевременно сделанного переливания крови, скончалась сама.

– Брэм... – я дотронулась его горячих рук, сжатых в кулаки, которыми он упирался в колени. Я хотела ему сказать, что он не виноват, но что-то мне подсказывало, что он примет мои слова за ложь, поэтому решила промолчать.

– Это ещё не все... – подождав несколько секунд, сжато продолжил он. – За полчаса до того, как я узнал о случившемся, я вернулся домой и нашёл на своём рабочем столе письмо от неё... Она писала, что ребёнок мой, в чём я и не сомневался, и что, собственно, позже подтвердила ДНК-экспертиза. Но ещё она написала в той записке, что уже месяц, как спит за моей спиной со своим бывшим мужем. Она планировала сделать аборт и этим же вечером уехать со своим бывшим в Бристоль. Вот и всё... – Брэм замолчал, но вдруг решил добавить. – Прошло полтора года с того момента, прежде чем Барвик уговорил меня на лечение от алкогольной зависимости в этой клинике.

– Выходит, тебе, как и всем здесь собравшимся, просто жизненно необходимо себя простить, – подытожила я.

– Я над этим работаю, – сжато ответил Брэм и неожиданно заглянул мне в глаза. – Но я твёрдо решил, что в моей жизни не будет детей. Ни своих, ни приёмных, никаких.

Я замерла, а потом постепенно отстранила от него свою руку, словно боясь его спугнуть и тем самым спровоцировать к нападению. У меня было двое детей. Две замечательные девочки, которых я не была достойна всю их жизнь. Сейчас я находилась здесь только для того, чтобы ради них вырваться из рабства. Ради этих двух жизней, которых я искренне жаждала стать достойной...

Его борьба и моя борьба проходили рядом, но они не могли стать одной. Отчего-то мне вдруг стало грустно и больно одновременно.

– Тебе стоит перестать так страшно себя винить, – попыталась улыбнуться я.

– Я могу посоветовать тебе то же, – выдохнул Брэм, и после, наблюдая за тем, как я вернулась к унылому ковырянию тушёного картофеля, вдруг добавил. – Ну, теперь ты хотя бы понимаешь, что моё прошлое не менее грязное, чем твоё.

– Я бы не согласилась с этим, но... – я замолчала.

– Но? – Брэм заинтересованно заглянул мне в глаза.

– Моё прошлое действительно могло бы быть грязнее твоего и определённо было бы, если бы я эгоистично не считала, что его освещают незапятнанным светом две звезды. Лишь поэтому я считаю, что чаша наших весов может сравняться, хотя и не до конца верю в то, что моё прошлое может быть одинакового уровня загрязнения с твоим.

– Вот как, – заинтересованно ухмыльнулся Брэм. – И что же это за звёзды, благодаря которым я могу рассчитывать на то, что ты не будешь чувствовать себя рядом со мной подавленной моим, как могла бы счесть ты, но только не я, более светлым прошлым?

– Судя по всему, благодаря этим звёздам я вообще не могу рассчитывать чувствовать себя рядом с тобой хоть как-то.

– Это ещё почему? – непонимающе приподнял брови мой собеседник.

– Потому что, чтобы быть рядом с тобой, мне придётся отказаться от единственного в своей жизни, от чего я отказаться не смогу. И эту мою зависимость ни за какие деньги не исправит ни одна реабилитационная клиника во всём мире.

– И что же это? – напряжённо-приглушённым и одновременно вкрадчивым тоном поинтересовался Брэм.

Он искал моего взгляда, и я подарила его ему. Пронзительный, долгий, вдумчивый.

– У меня два ребёнка, Брэм. Девочки шести и трёх лет. Ради них, если понадобится, я не задумываясь умру, и ради них я сейчас воскресаяю.

– Дочки?.. – бесцветным голосом переспросил мужчина. Я хотела уже сказать, что прекрасно понимаю, что это идёт вразрез с его уже составленными планами и взглядами на его будущую, “очищенную” жизнь, так что всё в порядке и это даже замечательно, что мы это выяснили сейчас, а не позже, но не успела я сказать всё это и даже больше, как вдруг Брэм оборвал меня на полувдохе совершенно неожиданным вопросом. – У них есть отец?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы “переварить” этот вопрос, после чего я, освободив нижнюю прикушенную губу, наконец начала выдавать ответ:

– Отцы, конечно, есть. Жасмин родилась от учёного-астронома, Мия – от смазливового парня с соседней улицы... Ни их отцы, ни кто-либо другой не знает о их происхождении. Я предпочла, чтобы люди думали, будто я не знаю, от кого именно из своих многочисленных сексуальных партнёров я зачала и впоследствии родила своих детей, нежели чтобы кого-то из моих дочерей возжелали вырвать из моей семьи их более обеспеченные родственники.

– Значит, Жасмин и Мия?.. И кто же за ними присматривает, пока ты здесь?

– Жас дома с моим отцом, прабабкой и кузиной, а Мия сейчас в Берлине с братом отца. Недавно ей сделали операцию, которая прошла успешно... Если в случае с Жасмин мне удалось оставаться чистой на протяжении всей беременности, то лёгкие Мии определённо пострадали из-за того, что на период моей беременности ею я так и не смогла до конца отказаться от спиртного.

– А ты говоришь, что у меня огромное чувство вины, – прищурился Брэм.

– Это теперь не важно, – тяжело выдохнула я, – у кого из нас чувство вины больше или прошлое более запятнанное...

– Это изначально не важно! – неожиданно громко воскликнул Брэм, спрыгнув со своего барного стула. – Наше прошлое неважно! Неужели ты не понимаешь?!

– Не понимаю чего?! – широко распахнула глаза я.

– Мы можем создать с тобой новую жизнь! Ты и я! Ты ведь хочешь идеальную семью?! Ты, я, Жасмин и Мия! Мы будем жить в большом семейном доме с камином, заведём собаку и будем устраивать ланчи за городом!..

– Но ты ведь не хочешь детей!.. – решила напомнить я.

– Лишь потому, что я считаю себя их недостойным и боюсь их разочаровать, но вместе с тобой у меня может всё получиться!.. У нас может получиться!..

– Брэм, ты не понимаешь, о чём говоришь... Семьи так не создаются...

– Не так? Тогда как?.. Как они создаются, Миша?.. Что самое важное для создания семьи?.. Любовь?! Так я уже люблю тебя!

– Что?! – из моих лёгких вырвался истерический смешок.

– Я люблю тебя, Миша Палмер! – ещё громче повторил Брэм и, вдруг обняв меня за талию и буквально сорвав меня со стула, начал кружить меня в своих объятьях. – Люблю тебя!..

– Что ты несёшь?! – я уже смеялась во весь голос, всерьёз считая всё происходящее искусной шуткой.

Брэм остановился и, слегка отстранив меня в сторону, посмотрел на меня своими пронзительными светло-голубыми глазами, после чего вдруг проговорил полушёпотом:

– Вообще-то я влюбился в тебя с первого взгляда. Когда увидел тебя в купальнике.

– Врёшь, – задорно засмеялась я. – Я страшно костлявая.

– А это мы сейчас исправим, – с этими словами он приподнял меня за талию и усадил обратно на барный стул, после чего потребовал, чтобы я съела всё, что лежало передо мной на тарелке. После этого я поверила в каждое сказанное им мне этим вечером слово.

...Моё лечение было не просто тяжёлым: к середине апреля оно стало страшным. Доктора всерьёз опасались того, что я поврежусь рассудком или банально не выдержу физически. Но я продолжала бороться, особенно теперь, когда Брэм пообещал мне не просто освобождение ото всех зависимостей – он пообещал мне полноценную, нормальную жизнь после. Каждый день он приходил и рассказывал мне о доме с камином, в котором мы будем жить, или о щенке, которого он купит для меня, или о том, как мы вместе будем приезжать в гости к нашим родным... Я только за счёт этого и выживала каждую секунду своей борьбы не на жизнь, а на смерть.

Однажды, когда после очередной ломки во всём теле я едва не сошла с ума, доктора разрешили Брэму провести со мной целую ночь. В какой-то момент, когда я, лежа на его груди и сжимая его промокшую от моих слёз футболку, в очередной раз свела зубы от боли в пылающих мышцах и плавящихся внутренностях, я вдруг услышала, что он заплакал вместе со мной. Прижав меня к своей груди ещё сильнее, он начал раскачивать меня из стороны в сторону, словно маленького ребёнка, и тихим шёпотом приговаривать мне на ухо: “Мы справимся с этим... Мы вместе справимся... Обязательно справимся...”

После этой страшной и одновременно спасительной ночи мне стало становиться лучше.

Наверное именно из-за моего шаткого психологического состояния мне не рассказали сразу о возвращении Изабеллы, которое в итоге оказалось возвращением моей матери. Думаю, они поступили правильно, потому что в момент, когда я её увидела, земля буквально выскользнула из-под моих ног. Следующие несколько дней после этой встречи я провела в некоем трансе, и всё это время Брэм был рядом со мной. Его хотели выписать раньше, так как он полностью и успешно завершил свой курс реабилитации, но он заплатил круглую сумму, чтобы иметь возможность оставаться рядом со мной до нашего победного конца. За это время я поняла, что Брэм психологически намного старше меня, но полюбила я его не за это. Я полюбила его за надёжность. Он подарил мне самое ценное – уверенность в том, что хотя бы один человек в этом мире меня не бросит не смотря на моё страшное прошлое, не смотря на моё шаткое будущее, не смотря ни на что. И этим человеком будет он, Брэм Гир. Неидеальный, зато только мой, супергерой.

...Выйдя из палаты Таши, я сразу же обняла Его – Он ждал меня у двери. Брэм и был моей гарантией того, что я не сорвусь и никакого рецидива со мной не случится, я же была гарантией для него: мы – тайное оружие друг друга в этой борьбе. Я косвенно пообещала Таше рассказать ей о нём позже, так как не хотела её напрягать своим счастьем, подозревая её предположительный разрыв с Дарианом. По той же причине я не заговаривала с ней о перенесенном ею выкидыше. Нам с ней ещё предстоит преодолеть в этой жизни очень много высоких планок, осталось только наверняка определиться с людьми, которые захотят и смогут нас страховать. Я с таким человеком определилась.

Весь оставшийся день – первый день моей свободы и моей новой жизни – я хотела провести с Брэмом. Но для начала я хотела увидеться с Жасмин и Мией, и познакомить их с этим человеком невероятной моральной силы. Я ещё не знала, как именно пройдёт это знакомство, но я знала наверняка, что сегодня вечером я засну в своей детской комнате в обнимку с мужчиной, которого за эти долгие месяцы и бесконечные ночи, переполненные болью, надеждой и нежностью, полюбила больше себя.

Глава 14.

– Сегодня, вообще-то, первое июля, – значительно посмотрел на меня Робин.

– И что? – непонимающе посмотрела на собеседника я.

– Что может означать твоё кислое: “И что”? Первый день месяца – это стоит отпраздновать!

– Правда стоит?

– Если не это, тогда что?

– Ладно, давай отпразднуем первый день месяца, – сдавшись, улыбнулась я, при этом согласно кивнув головой.

– Отлично, зайду за тобой через час.

Я посмотрела на настенные часы – они показывали ровно семь часов.

– Хорошо, – согласилась я, хотя и не понимала, зачем откладывать празднование на целый час. Однако я была слишком счастлива узнать, что Робина всё ещё не выписали и, исходя из его слов, у нас ещё есть в запасе несколько дней до этого “радостного” события, так что прилив лёгкой радости в этот момент заглушил во мне и без того отсутствующее в моём нраве излишнее любопытство.

Робин пришёл ровно через час – в восемь ноль-ноль.

– Куда мы направляемся? – интуитивно перешла на шёпот я, наблюдая за тем, как Роб оглядывается и преждевременно заглядывает за повороты.

– Выше, – коротко ответил он.

– Выше? Но мы на десятом этаже: выше больше ничего нет.

– А как же крыша? – игриво посмотрел на меня Робинсон.

– Крыша? – кажется я почувствовала, как расширились мои зрачки.

Больше мы не говорили, даже шёпотом, и мой хромающий шаг заметно ускорился, так как я реально начала бояться не успеть за своим проводником.

Ещё пара поворотов, и мы оказались в неосвещённом закоулке с узкой лестницей, отделанной старой разбитой плиткой и новыми стальными перилами. Лестница вела вверх, и там, наверху, виднелась уже открытая настежь дверь, в проёме которой можно было рассмотреть сгустившиеся на небе дождевые тучи.

– Пошли, – скомандовал Робин, после чего с нереальной скоростью начал преодолевать путь наверх. Я сразу же последовала за ним, но моя хромающая нога слишком очевидно подводила меня, поэтому в момент, когда Роб достиг лестничной площадки и оглянулся, я едва миновала середину пути и явно не имела возможности ускориться. – Тебе помочь? – серьёзно спросил он, будто, скажи я ему в этот момент, что действительно не отказалась бы от его помощи,

он сию же секунду спустился бы вниз, подхватил меня и потащил к финишу.

- Нет уж, справлюсь как-нибудь сама, - усмехнулась я, продолжая с упорством подниматься вверх, одной рукой держась за стальное перило, второй рукой за внезапно начавший колоть бок.

Когда я наконец взошла на лестничную площадку, я едва ли не выплёвывала свои лёгкие от неожиданно сильной одышки, поэтому, упершись обеими руками в бока, я согнулась напополам и попыталась отдышаться.

- Да уж, тебе определённо ещё долго придётся восстанавливать свои силы, - поджал губы Роб, похлопав меня по плечу.

- Ты меня не знаешь, - я разогнулась в попытке начать дышать ровно. - Я живучая. На мне заживает лучше, чем на самой здоровой собаке.

- Верю, - улыбнулся Робин. - Но как насчёт того, чтобы прокатиться? - он метнул взгляд вбок, и я перевела свой взгляд в тот же тёмный угол. Открытую дверь подпирала дряхлая, с ржавыми колёсами инвалидная коляска.

- Не против, - прикусила нижнюю губу я. - Но если мы её возьмём, дверь захлопнется и два наших белоснежных скелета найдут на этой крыше спустя несколько лет.

- И наши заблудшие души будут обречены еженощно бродить по коридору десятого этажа этой мрачной больницы?

- В лучшем случае, - красноречиво приподняла бровь я. - В худшем мы так и застрянем навсегда на этой крыше.

- Не переживай, не застрянем, - усмехнулся Робин, явно оценивший мой сарказм, и, подойдя к двери и откатив от неё кресло, подложил под неё увесистый журнал, который вытащил из-за пазухи.

- Ты всегда носишь с собой эти журналы? - удивлённо усмехнулась я.

- Думал, что будем запускать самолётики с крыши, - невозмутимо ответил Роб.

- Подожди, - я резко сдвинулась с места и, нагнувшись, взяла журнал в руки. Выдернув из него с десяток страниц, я положила его обратно, после чего дважды убедилась в том, что он справляется с поставленной перед ним задачей, и мы не застрянем из-за него на этой крыше.

- Садись, - предложил Робин, внимательно наблюдавший за моими действиями.

- Сначала выкати её наружу, - предложила я интонацией школьницы-бунтарки, ставшей соучастницей в хулиганстве примерного ученика и теперь направляющей его по этой опасной стезе.

Робин выкатил кресло на крышу, и я, переступив порог, сразу же уселась в него.

- Ну что, пробежимся? - ухмыльнулся где-то сверху надо мной Роб.

- Ты уверен, что тебе можно бегать? - задрала голову я, чтобы встретиться с ним взглядом.

- Ты о чём? Мне не то что можно - мне это просто необходимо! Я ведь футболист: я всю свою жизнь пробегал. Так что готовься, сейчас прокатимся с ветерком.

Сказав это, Робин покатил меня вперёд и за какие-то доли секунды набрал такую невероятную скорость, что я, положив листы журнала за поясницу и вжавшись руками в ручки кресла, едва ли сдерживалась, чтобы не начать смеяться от восторга.

Всего за какие-то пару минут Робин домчал меня до противоположного края крыши и при этом почти не запыхался. Подобная поездка была достойна восторга, поэтому, как только мы остановились, я не поскупилась на хотя и короткие, но громкие аплодисменты.

- Это было круто, - призналась я, уже поднимаясь с кресла. - Знаешь, ты отличный бегун.

- Думаю, это известно всей Британии, - усмехнулся в ответ он.

– Думаю, даже за её пределами уже многие в курсе... – отозвалась я и замерла, всмотревшись в Лондон, огни которого только-только начали зажигаться. – А здесь красивый вид, – спустя несколько секунд заметила я.

– Неплохо, – сдвинул брови мой напарник.

– По-моему, ты привередничаешь.

– Просто видел и более красивые виды.

Мне понравился его ответ. Не знаю почему. Может быть потому, что каждое его слово вызывало во мне веру. Если бы он, допустим, сказал что-то вроде того, что этот вид красив лишь потому, что он лицезреет его в моей компании, или, например, что он покажет мне более величественные панорамы – оба варианта сказал бы мне Дариан – я бы заподозрила в его словах множество эмоциональных оттенков, рисующих его собственный портрет, а не его отношение ко мне, но Робин сказал лишь то, что он видел более красивые виды – слова, никак не связанные со мной. Слова, которые без сомнения могли вызывать только безукоризненное доверие (идеальное чувство по отношению к собеседнику).

Внезапный гром, разразившийся в небе где-то неподалеку, заставил меня прийти в себя. Воздух был тёплый и даже горячий, от нагретой солнцем крыши вверх поднимался жар, и вместе с этим в воздухе парило настолько сильным напряжением, что даже мои волосы начинали электризоваться. Надвигалась буря.

– Ну что, запускаем самолётики и сматываемся отсюда прежде, чем нас замочит? – предложила я, взяв в руки два оторванных листа журнала и протянув один Робу.

Предчувствуя приближение ливня, я начала складывать свой самолётик на скорую руку, в то время как Робин, как мне казалось боковым зрением, легкомысленно никуда не спешил.

– Когда выпишешься из больницы, планируешь вернуться в свой съёмный домик, о котором ты рассказывала, или пожить некоторое время с родителями? – неоднозначно поинтересовался Роб.

– Угу, – слишком увлечённая конструированием своего уже кривого самолётика, откликнулась я.

– Но ты ведь говорила, что не хочешь туда возвращаться.

– Как будто у меня есть варианты, – всё ещё не понимая, о чем Робин мне говорит, тяжело выдохнула я.

– Если хочешь... – Роб запнулся. – Не подумай, что я на что-то рассчитываю или... Будто я пытаюсь тебе предложить... – он запнулся в третий раз, что не могло не привлечь моего внимания. Прекратив конструировать самолёт, я уставилась на своего собеседника широко распахнутыми глазами, в которых уже во всю плескалось любопытство. – Просто ты на прошлой неделе говорила, что хотела бы уехать куда-нибудь подальше от своего города, чтобы никто не знал твоего местонахождения, найти место, где ты могла бы отдохнуть или, хотя бы, затеряться в толпе... – я продолжала внимательно смотреть на него, пытаюсь понять, что именно он хочет мне сказать. – Как на счёт Лондона?.. Это ведь отличное место, чтобы потеряться.

– И вправду... – задумчиво согласилась я.

– Просто недавно я продал недвижимость в Манчестере и приобрёл себе квартиру в центре Лондона, в районе Ламбет... Ещё у меня есть усадьба на острове Мэн, доставшаяся мне от отца, но пока я предложить тебе её не могу, так как на данный момент она находится в слегка запущенном состоянии... В общем, если ты вдруг захочешь, у меня всегда найдётся для тебя отличная и совершенно бесплатная гостевая комната с неплохим видом из окна... Просто, как для друга...

Роб явно переживал о том, чтобы я не подумала, что он, предлагая мне бесплатную – да пусть даже и платную! – комнату в своей квартире, пытается намекнуть мне на возможность возникновения между нами чего-то большего, чем просто дружба. И всё же, то ли ото всех этих стараний, то ли от смущения, то ли от того, что не умел врать, его лицо вдруг залилось краской.

Не он ли говорил мне ещё до того, как я высказала вслух своё желание раствориться в толпе, о том, что он не верит в дружбу между мужчиной и

женщиной, только если эта дружба не построена на родственных связях?..

Насколько мне известно, мы с ним не были родственниками...

Отведя от него взгляд, я вдруг почувствовала, как краска начала приливать и к моему лицу тоже, что сразу же заставило меня слегка нахмуриться. Я попыталась запустить свой самолётик, но вместо того, чтобы послушно податься вперёд, он завилал и, с неожиданно звонким стуком, ударился носом о низкий бортик крыши. После этого фиаско момент стал ещё более неловким. Продолжи я отмалчиваться, и он вообще рисковал перерасти в невыносимый.

– Спасибо, – странным голосом, словно не принадлежащим мне, наконец отозвалась я. – Не думаю, что это возможно, но я не могу не оценить широту твоей души.

Незаметно сунув руки в карманы пижамных штанов, я покосилась взглядом на рядом стоящего парня.

– Что ж, по крайней мере я предложил, – с облегчением выдохнул Робин, после чего запустил свой самолётик, который, с завидной для меня маневренностью, пустился вперёд по идеально ровной траектории. – Просто знай, что комната свободна.

– Угу... – я отвела свой взгляд в другую сторону, пытаюсь понять, что именно я испытала, получив от него столь неожиданное предложение. Это было точно не разочарование и ничего из тех чувств, которые могли бы хоть как-то быть связаны с отторжением. Удивление?.. Определённо оно. Но было и ещё что-то, что разбавляло его, словно чайная ложка мёда в литре воды.

Внезапно резкий и невероятно тёплый порыв ветра подхватил страницы журнала, лежавшие на кресле позади меня, и, закружив их в вихре, перекинул за край крыши. В следующую секунду мою щёку ошпарила неожиданно горячая и тяжёлая капля начинающегося дождя. Вытерев её, я посмотрела на Робина, которого, судя по всему, уже тоже настигла небесная вода.

– Пора убираться отсюда, – сжато улыбнулась я.

– Присаживайся, – взявшись за задние ручки кресла, так же сжато улыбнулся мне в ответ Робин. Но не успела я сесть в кресло, как капли тяжёлого горячего дождя участились, а как только Робин развернул кресло на сто восемьдесят градусов, ливень обрушился на наши головы с такой силой, что я уже даже не надеялась на то, что к моменту, когда мы доберёмся до выхода с крыши, на мне сможет остаться хотя бы один-единственный сухой клочок одежды или участок кожи.

Робин мчался сквозь пелену дождя с невероятной скоростью, но как только мы миновали половину пути, он вдруг резко завернул кресло вправо. Сначала я подумала, что он поскользнулся, но уже спустя секунду поняла, что он сделал это специально. Он начал петлять взад-вперёд и делать резкие развороты, и я, не в силах сдержать свой смех, мгновенно начала во весь голос вторить его раскатистому хохоту. Мы смеялись так громко, что даже шум обрушающегося на нас горячего июльского дождя не мог перебить звон наших голосов, сливающихся в один единый звук.

Не знаю, сколько это продолжалось, но я не хотела, чтобы этот момент внезапной эйфории, с которой я до сих пор не имела чести быть знакомой, прекращался. И я уверена, что он не прекращался бы гораздо дольше, если бы в какой-то момент Робин не обратил внимание на дрожь моего тела. Он решил, будто я замёрзла, но на самом деле меня трясло не от холода, а от накатывающих на меня волн восторга. Разрезая тёплые лужи ржавыми колёсами старого инвалидного кресла, Робин помчал меня вперёд сквозь плотную дождевую пелену с ещё большей скоростью, чем катил прежде.

В момент, когда мы доехали до распахнутой двери и я поднялась с кресла, я уже не помнила себя от неопишуемого, детского счастья, не испытываемого мной со времён моих последних детских игр со своими старшими братьями и сёстрами.

Детально я не помню, как мы спустились вниз по той тёмной лестнице и как добрались до наших палат незамеченными, но мы это сделали. Я пришла в себя только в момент, когда, раздевшись догола, начала обтираться полотенцем, привезённым мне из дома родителями. Спустя несколько секунд после того, как я переделась в сухую одежду и нырнула под одеяло с твёрдой целью начать отогреться, Робин, уже переодевшийся, но с внушительно растрёпанными волосами, явился ко мне в палату. Усмехнувшись его торчащим в разные стороны волосам, я благородно предложила ему свой плед, но он предпочёл набросить его мне на ноги.

Этой ночью мы много разговаривали обо всяком бреде, в обычной жизни не заслуживающем нашего внимания, но ставшим неожиданно весомым в пределах больничных стен. Больше, чем разговаривали, мы только улыбались, словно не в силах были заставить мышцы своих лиц начать вести себя адекватно.

Не помню, в какой именно момент я заснула. Кажется, я просто отключилась посреди разговора. Однако я была уверена в том, что Робин заметил моё выпадение из разговора не сразу, так как ещё некоторое время, даже сквозь лёгкую пелену сна, я продолжала улавливать разливы вибраций его улыбающегося мягкого голоса.

Глава 15.

Шёл второй день после нашего с Робинем баловства под дождём на крыше больницы, а мы так и не простыли. И это было действительно хорошей новостью, особенно на фоне прочих новостей.

С утра пораньше мне попала на глаза свежая статья о Стивене Эрtone. Точнее, о его семье. Если доверять прессе (чего я сама не делаю и никому не советую), личность его отца неизвестна, но у него имелась престарелая мать, живущая небогатой жизнью преподавателя биологии и химии где-то в Хамбере*, с которой он порвал всяческие отношения (*Регион на востоке Англии). У этой женщины, помимо Стивена, имелась ещё и двадцатилетняя дочь от второго брака, с которой она, в отличие от сына, была весьма дружна (снова если верить прессе). Обе родственницы Эртона отказывались давать интервью СМИ, но, судя по натиску прессы, их жизнь ещё долго будет подвергаться давлению со стороны. На мгновение мне даже стало их жаль, но только на мгновение. Вновь встретившись взглядом с чёрно-белой фотографией Эртона, я неожиданно вслух произнесла слово “ублюдок” и безжалостно швырнула его бумажное лицо в урну к другим отходам.

День протекал медленно. За окном уже вторые сутки висели тяжёлые серые тучи, время от времени сбрасывающие на землю лишнюю воду. На улице заметно похолодало, да и в больнице стало прохладнее, так что я ходила в застёгнутой на все пуговицы рубашке, неожиданно начав бояться

нежелательный простуды, которая могла бы подкосить моё и без того на данный момент шаткое здоровье.

Около одиннадцати часов утра, во время запоздалого обхода, доктор, ведущий моё дело, внимательно осмотрел низ моего живота, затем, повторно заглянув в свои бумаги, вдруг посмотрел на меня поверх своих очков в тонкой серебристой оправе и уверенно произнёс:

– Что ж, мисс Палмер, могу Вас поздравить. Вы уверенно идёте на поправку, и я не вижу смысла в том, чтобы продолжать задерживать Вас в стенах нашего заведения. Готовьтесь к выписке. Завтра утром Вы отправитесь домой. Как говорится, дома и стены лечат, – поджав губы, улыбнулся мужчина.

– Как... Завтра?.. – меня словно обухом по голове ударили.

– Да, завтра. Думаю, уже в восемь часов утра Вы сможете получить на руки все необходимые документы.

Сказав это, доктор поспешно ретировался, оставив меня сидеть на краю моей койки.

Из меня словно все силы вдруг высосали. Я не хотела возвращаться обратно в “нормальную жизнь”. Только не в свою.

Как случалось всегда с его приходом, я его не ожидала и даже не предвидела. Дариан пришёл в начале девятого, как раз после вечернего чаепития. Молча прошагав к стулу, он сел на него и, откинувшись на его спинку, опершись локтем о подлокотник и прислонившись указательным пальцем к брови, внимательно посмотрел на меня, но вместо того, чтобы произвести ответный взгляд на нежданного гостя, я, в который раз при наших встречах, уперлась взглядом в сцепленные пальцы своих рук, покоящихся у меня на ногах.

– Тебя выписывают, – наконец произнёс Дариан отстранённым тоном.

Я ничего не ответила. Последовавшее далее молчание было самым долгим на протяжении всего периода нашего знакомства, без учета того случая, во время

которого я, чтобы избежать с ним общения, притворилась спящей.

Мы промолчали ровно десять минут – так показывали мои наручные часы. Все десять минут Дариан внимательно рассматривал моё лицо, но меня это не смущало. Мне просто хотелось, чтобы он что-нибудь сделал. Например, чтобы ушёл. Но он ничего не делал. Неспеша, он продолжал изучающе блуждать по мне своим упорным взглядом. Наконец, то ли устав от молчания, то ли вспомнив о том, что у него есть дела поважнее, чем соревноваться со мной в безмолвии, Дариан встал и, как и всегда перед уходом, попытался поцеловать меня в голову, но на сей раз я успела отстраниться.

Не выпуская моего плеча из своей крепко сжатой ладони, Дариан простоял так надо мной ещё несколько секунд, после чего произнёс всё тем же бесцветным тоном, но уже с каким-то свинцовым налётом:

– Завтра утром я заберу тебя. Я уже предупредил твоих родителей, чтобы они не приезжали. – отпустив моё плечо, он засунул руки в карманы джинс, и глухо добавил. – Что ж, до завтра.

Перед уходом он оглянулся, и наши взгляды против моей воли пересеклись, но лишь на мгновение – я сразу же отвела глаза в противоположную сторону комнаты.

Дверь захлопнулась, а я начала заикливо думать об услышанном. Он не сказал, куда именно меня отвезёт – ко мне или, что ещё хуже, к себе – но куда бы он не собирался меня везти, я не хотела с ним ехать.

Спустя три часа, когда Робин пришёл ко мне, и я сообщила ему о своей грядущей выписке, он признался, что его самого выписали ещё несколько дней назад, но ради того, чтобы поддержать меня, он “лишнее” время пролежал в больнице, проплатив аренду своей палаты на несколько дополнительных дней. Услышав это, я окончательно перестала сомневаться в том, о чём хотела с ним заговорить. Заглянув другу в глаза и тем самым всецело сфокусировав его внимание на себе, я задала ему короткий вопрос:

– Твоё предложение пожить у тебя всё ещё в силе?

Ответ я знала ещё до того, как услышала его повторно. Всё в силе.

Зря Дариан заранее предупредил меня о том, что собирается забрать меня. Предупреждён – значит вооружён. А меня нельзя вооружать. Кому, как не Дариану Риордану, было знать об этом. Он знал. Его знание было так же очевидно, как и мои дальнейшие действия.

Дариан.

Дни, после случившейся у Таши истерики, я пребывал в некоем трансе, из которого стал выходить только приняв факт того, что боль неизбежна. Нам просто придётся пережить эту трагедию и её последствия – иначе никак.

Сегодня, рассматривая Ташу, я пытался понять, что мне с ней делать дальше. Лучшее, что я мог ей предложить – это смена обстановки. Скажи я ей сейчас, что завтра утром мы перелетим океан, чтобы вечером оказаться в аэропорте Антананариву с целью провести пару недель на Мадагаскаре, и она взбунтовалась бы прежде, чем я успел бы произнести слово “аэропорт”. Поэтому для начала я решил предоставить ей возможность смириться хотя бы с тем фактом, что завтра из больницы заберу её именно я.

Глядя на Ташу, я продолжал себя убеждать в том, что нам просто необходимо время. Если эта девушка хотя бы одну секунду своей жизни любила меня – а я был уверен, что это чувство, пусть она о нём даже не подозревала, однажды жило в ней дольше одной секунды – значит она уже не сможет разлюбить меня никогда. Возможно, она отказывается это понимать, но факт остаётся фактом – такова её сложная натура. Я стал первым мужчиной, с которым она пережила это чувство, которое, к моему величайшему сожалению, она не успела со мной разделить. Пусть даже под тоннами пепла, но эта искра останется с ней навсегда. И она будет сильнее любого другого огня в её жизни. Что бы в ней не вспыхнуло, всё угаснет, но не эта искра. Я спрятал её слишком глубоко в ней, её не найдёт даже она, даже если очень сильно захочет... Таша обречена ходить с жгучим куском где-то в глубине своей грудной клетки. Её обрэк на это я, ко мне она и вернётся. Где бы ни была, хоть на другом конце Вселенной, Таша, сама того не подозревая, дошагает до меня своими ножками, чтобы я навечно заключил её в свои объятия.

Поэтому, стоя следующим утром у ресепшена и принимая факт её побега, я не только пытался понять, как она смогла проскользнуть мимо меня незамеченной, но и предвидел её возвращение. Однако я даже представить себе не мог, что, не словив её за руку сейчас, обрѣк наши прожжѣнные насквозь души на долгие месяцы болезненного скитания по засыпанной пеплом равнине. Я даже не мог предполагать, что, разминувшись сейчас, мы продолжим причинять друг другу даже большую боль, чем ту, что причиняли, будучи вместе. Шок настигнет меня позже. И её тоже.

Можно ли было этого избежать?.. Возможно. Возможно мы просто слишком рано встретились, не в том месте и не в то время. И всё же нашим душам в этом мире изначально было предрешено слиться воедино. Всему своё время, а их время просто ещё не пришло. Поэтому теперь, преждевременно познав друг друга, им придётся биться в ужасных болевых конвульсиях, неистово дожидаясь неизбежного момента соития. Но это я осознал позже... Сейчас же я только начинал различать страшную картину нашего ближайшего будущего.

Глава 16.

Утро было пасмурное, из-за чего создавалось впечатление, будто рассвет не просто задерживается, а вовсе не собирается сегодня вступать в свои права. Уже в семь часов я была собрана и готова выйти из своей палаты в любой момент, но Робин, как изначально мы и условились, пришѣл за мной ровно в семь пятнадцать.

Утром в больнице было тихо, хотя некоторые пациенты уже и начинали бродить по коридорам в поисках медсестѣр или в попытках размять затѣкшие мышцы. Мы с Робинком быстрым шагом дошли до лифта – благо моя левая нога почти перестала меня беспокоить! – и только в пустующем лифте, ощутив своё участившееся сердцебиение, я вдруг осознала, что на самом деле я не просто выписываюсь из больницы – я совершаю самый настоящий побег, на полном серьёзе видя в лице Дариана Риордана своего личного надзирателя.

“Только бы у меня получилось!..” – мысленно умоляла невидимые силы я. –
“Только бы получилось!..”

Я не знала, о чём именно молю. Но отчего-то не могла остановиться.

Из-за испортившейся погоды мне пришлось согласиться и взять у Робина его заранее приготовленные для меня бейсболку и куртку, которые явно были мне не по размеру, но я не роптала, наоборот чувствуя себя более защищенной в этом “камуфляже”.

...Увидев Дариана, я едва не выпустила душу из своего тела...

Он стоял у ресепшена первого этажа, спиной к нам: у меня в запасе было буквально несколько секунд, чтобы успеть среагировать, и я это сделала. Резко дёрнув Робина за рукав его ветровки, я затащила его за дверь справа от лифта, за которой пряталась лестница, ведущая на верхние этажи. По-видимому, сначала Роб хотел спросить у меня, что я делаю, но, бросив взгляд в окно в двери и увидев в нём подходящего к лифту Дариана, он всё понял и отвёл взгляд в сторону так, чтобы, если Дариан вдруг бросит свой взгляд в нашу сторону, он не смог бы рассмотреть его лица. Я же и вовсе вжалась спиной в стену и, на всякий случай, натянула козырёк бейсболки на лицо.

Я успела досчитать ровно до пятидесяти девяти, когда Робин дотронулся моего плеча чем буквально вывел меня из оцепенения. Ничего не сказав, он кивнул головой, призывая меня идти за ним. Поправив за плечами рюкзак, заполненный прожиточным минимумом моих вещей, я не сомневаясь отправилась вслед за своим провожатым.

Остановившись возле ресепшена, Робин попросил дежурящую на нём старушку вызвать медсестру Бетти Бенсон. Часы показывали двадцать пять минут восьмого, документы же о выписке мне должны были выдать на руки не раньше восьми, но Бетти была фанаткой футбола и в частности игры Робина, так что у него не возникло сложностей договориться с ней о преждевременном оформлении и выдачи мне на руки необходимых документов.

Бетти явилась на ресепшн лишь спустя целых три минуты после того, как её вызвала старушка. За эти три минуты Дариан уже мог обнаружить моё исчезновение.

С каждой секундой я всё сильнее переживала, отчего мои руки уже начали едва уловимо дрожать, и я стала регулярно оглядываться по сторонам, боясь в какой-

то момент увидеть прямо позади себя громадную фигуру неодобряющего моего поведения Риордана.

Итак, Бетти пришла. Пока я подписывала справку о получении документов на руки, а Бетти делала селфи с Робинем, моё сердце едва ли не разрывалось от паники.

– Всё! – резко стукнув по ресепшену шариковой ручкой, уверенно заявила я, отдав справку медсестре и резко взглянув на Робина. Понимающе кивнув мне, он направился к выходу, и я, едва ли не срываясь на бег, последовала за ним, на ходу пряча полученные документы в рюкзак. Прошло четыре минуты, Дариан определённо уже обнаружил моё исчезновение и даже уже мог спускаться вниз!.. От страха быть пойманной я едва ли сознавала, как именно очутилась на парковке.

– Они расскажут ему! – вдруг остановившись посреди дороги, воскликнула я, словно громом поражённая. – Бетти или та старуха с ресепшена расскажут ему, что видели меня с тобой! Он будет знать, где меня искать...

– Не расскажут, – уверенно произнёс Робин, вдруг взяв меня за руку и начав вести за собой. – Взамен на молчание вчера вечером я подарил этим двум особам по паре билетов на ближайший матч. Так что можешь считать, что никто никого не видел, – он остановился напротив чёрного BMW.

Посмотрев на Роба, я сдвинула брови и уверенно кивнула головой. Я знала, на что способен Риордан, но я хотела верить в саму мысль о том, что на сей раз он не сможет меня найти. Хотя бы до тех пор, пока меня скрывает Роб. Для начала мне необходимо время, а дальше посмотрим...

Сев на переднее сиденье, я неосознанно дотронулась обеими руками головы, невидящим взглядом наблюдая за тем, как Робин обходит машину, чтобы занять водительское место. Тучи на небесах, создававшие этим ранним утром иллюзию сумерек, начали сгущаться и крутиться вихрем, грянул первый, пока ещё не слишком различимый гром, и, прежде чем Роб открыл свою дверь, я отстранила от своей головы руки с их замёрзшими пальцами.

Пристегнувшись ремнём безопасности, я устремила свой обеспокоенный взгляд в боковое окно, раз за разом мысленно повторяя одно-единственное слово:

“Получается”. Робин нажал на педаль газа, и с этого момента я начала ощущать, как с каждым новым метром, удаляющим меня от больницы, от Риордана, ритм моего сердца начинает медленно, но верно восстанавливаться. Ощущение, отдалённо напоминающее облегчение.

Глава 17.

У дома Робина мы оказались спустя полчаса. Пятиэтажка из красного кирпича не выглядела чем-то особенным, однако я не обманывалась на внешний вид, прекрасно осознавая, что обычно находится внутри обманчивых кирпичных пятиэтажек подобной этой. По факту, они всегда являлись не тем, чем представлялись на первый взгляд.

Когда мы зашли в третий из трёх подъездов, тучи над Лондоном сгустились в страшную массу, отчего создалось впечатление, будто сутки повернулись вспять и вместо дня сейчас наступает ночь. Когда я закрывала за собой стеклянную дверь в подъезд, неожиданно мощный порыв ветра едва не вырвал её из моих рук, и в этот момент я заметила первые, крупные капли дождя, которым уже было меня не достать. Сделав тяжёлый выдох, я всё-таки закрыла подъездную дверь, боковым зрением заметив, как Робин на несколько секунд подался сомнению, не помочь ли мне с этим плёвым делом. Убедившись в том, что я справилась, он подошёл к своему почтовому ящику, а мой взгляд сразу же упал на короткошерстного британского кота серого окраса с огромными зелёными глазами. Красавец невозмутимо сидел на краю белоснежного стола швейцара, которого на данный момент нигде не было видно, но больше всего привлекала в этом странном коте миниатюрная медалька с ленточкой, каким-то интересным манером прикреплённая к левой стороне его груди. В таком виде кот представал передо мной герцогом, не меньше.

Заметив мой взгляд, остановившейся на коте, Робин, уже забравший целую стопку прессы из почтового ящика, ткнул в его сторону скрученной газетой:

– Это мистер Кембербэтч, но жильцы дома зовут его просто Кембербэтч. Кот и верный друг нашего швейцара, миссис Адамс. Мистер Кембербэтч, я вернулся, – вдруг обратился к коту Робин тоном переполненным серьёзности, после чего протянул ему руку, на что тот совершенно неожиданно дал ответ, положив свою

лапу в его ладонь, словно и вправду собирался совершить самое настоящее рукопожатие. После этого Робин отошёл в сторону и красноречиво на меня посмотрел, словно передавал эстафету.

– Мистер Кембербэтч... – максимально тихо произнесла я, слегка приподняв ладонь вверх, будто стеснялась того факта, что начинаю разговаривать с животным. Наверное поэтому в итоге я этому коту больше так ничего и не сказала. Просто протянула ему свою бледную руку и он дотронулся её своей тёплой лапой. Ощущение было приятным. Словно меня только что посвятили в тайное сообщество жильцов этого дома, после чего я незаметно стала частью их бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dar_anne/obrechennye-stat-peplom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)